

УКОРКА

★ЗАРНИЦА

2

3

4

5

6

7

8

9

газеты
«Ленинские
посылы» —
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

СЕНТЯБРЬ • 1968

год издания XII

В. НИКОЛАЕВ

Первое сентября

Отвык звонок за лето
Звенеть и дребезжать.
Ребята летом где-то!..
Ну как не заскучать?

И вдруг приказ:

— Давай звони!

— Когда?

— Сейчас!

Промчались дни,

Ребята в школе снова.

Включился в сеть?

— Готово! —

И зазвенел звонок с утра.

Не просто так забрякал,

А закричал ребятам:

— Ура! Ура! Ура!

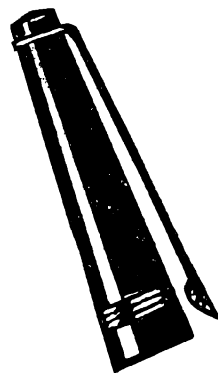

Рис. Ю. Бочкарёва

31 АВГУСТА 1924 года вышел первый номер газеты «Ленинские искры». Этому большому событию предшествовало ещё одно — маленькое. Шура Матвеев, пионервожатый 35-го отряда имени С. М. Будённого, Центрального района, осмотрел свою красногалстучную команду и объявил:

— Будет выходить детская газета. Нам нужно выделить одного детнора. Поедешь ты! — И Шура ткнул пальцем в сторону редактора стенгазеты Ани Мойжес.

Деткоровский кружок под руководством будущего редактора И. Халтурина начал работать значительно раньше выхода газеты. «Ленинских искр» ещё не было, а юные корреспонденты уже работали, собирали материал, спорили, учились писать заметки. И когда наконец газета вышла в свет, на четвёртой странице её самого первого номера была маленькая заметка детнора Ани Мойжес.

С тех пор прошло сорок четыре года. Вышло 3973 номера газеты. Но по-прежнему на страницах «Ленинских искр» нетрудно найти заметку, подписанную «А. Мойжес».

Анна Лазаревна Мойжес всё так же работает в газете. Только теперь она не детнор, а заведующая школьно-пионерским отделом. В нашей стране тысячи красных следопытов, в Ленинграде тысячи пионерстроявцев. Но вряд ли они знают, что в самом начале следопытского движения стояла именно Анна Лазаревна Мойжес. Эта она придумала и Пионерстрой, и ЮКН, и «Совет ИР» и многое-многое другое.

И, конечно, в памяти журналиста А. Л. Мойжес много интересных историй о первых годах нашей пионерии, о жизни газеты. Вот мы и попросили её рассказать об этом.

А. МОЙЖЕС

Рис. Г. Ясинского

ЕДИНАЯ ТРУДОВАЯ

Школа, в которой я училась в начале двадцатых годов, находилась на проспекте Бакунина, в особняке бывшего купца Полежаева. После купца там была частная гимназия, а потом — наша 108-я единая трудовая советская школа. После Октября исчезли частные и казённые гимназии и малочисленные народные школы. Образование стало единым — для всех.

Помню массивные дубовые двери, широкую мраморную лестницу, покрытую ковром. На верхней площадке — зеркало. Огромное —

во всю стену, от пола до потолка. Девочкам трудно было пройти мимо, а «вертеться» перед ним не разрешалось. Некоторые, правда, ухитрялись застревать перед зеркалом. Лишь заметив приближение какой-нибудь учительницы из бывшей гимназии, в тёмном длинном платье, стянутом в талии, кокетливые ученицы мигом исчезали, а вслед неслось: «Фи, как не красиво».

Иногда «вертушек» на месте преступления заставлял учитель в морском кителе, преподаватель об-

ществоведения Павел Иванович. Он улыбался по-дружески, понимая, и ещё шутил: «Хватит, попользовались этим чудом буржуазные барышни. Смотрите подольше, авось похорошеете». Но если комсомольский секретарь Вася Чувиков замечал перед зеркалом комсомолку — беда. Вызывал на комитет и прорабатывал за «буржуазные предрассудки».

Всё это было давно, сорок с лишним лет назад. И вот снова поднимаюсь по знакомой лестнице. Ковров нет. Зеркала тоже. Вхожу в зал. Конечно, нет и огромной люстры с сотнями хрустальных подвесок, которые некогда позвякивали, когда мы, вопре-

ки запрету, пробегали по блестящему паркету из одного конца зала в другой. Всё теперь строго, по-современному. Брожу по классам, ищу свой, где учились самые несносные, дерзкие, с точки зрения «стянутых в талии», и самые боевые и передовые, с точки зрения Павла Ивановича.

Теперь, спустя десятилетия, стало отчётливее, выпуклее видно то, что происходило тогда в школе. В нашем классе ребята были разные — и поповская дочка, и нэпманские сынки, и дети рабочих... Одни — яркие «красные», другие — презирующие всё новое.

Вот две истории из жизни тех лет.

Большинство учителей пришло из гимназии.

Прямая, как струна, с седой высокой причёской, с пенсне на носу, учительница географии появлялась в дверях класса секунда в секунду со звонком. Стояла без движения, пока все не умолкали. Её боялись и замирали сразу, но эта тишина её не удовлетворяла. Она

выжидала, пока каждый выпрямит спину и устремит глаза только на неё.

Мальчишки уверяли, что она носит парик. Девчонки не верили. Чтобы доказать свою правоту, двое смельчаков протянули к двери леску с рыболовным крючком, который повис над входом в класс. Другой конец лески продели под партами и замотали за ногу.

Дождавшись, когда Ляпа (так мы называли учительницу географии за её подпись, похожую на это слово) замерла в дверях, маль-

Ляпа-

Географа

чишка приподнял ногу, крючок опустился и... зацепился за причёску. Учительница шагнула в класс — парик повис в воздухе.

Шутка была злая. Школа бурлила. Одни кричали:

— Вот вам совместное обучение!

Другие утверждали, что это штучки из старой гимназии, и что новая

школа тут ни при чём. Наш класс по требованию оскорблённой учительницы перемешали с другим. Ляпу возненавидели пуще прежнего. Про неё даже песенку сложили:

*Наша Ляпа-географ
Ходит голову задрав,
Пенсне на носу.
Юбка на боку.*

*Она ходит, не кивает
Никого не замечает
И твердит всё без конца:
Уважаю я себя...*

Стихи неказистые, но нам они очень понравились, хотя почему «юбка на боку» — мне до сих пор непонятно. Всё остальное соответствовало действительности. Она очень любила говорить: «Я уважаю только географию и себя...»

Чтобы понять, почему так ненавидели представительницу старой гимназии, расскажу, как начинался её урок.

Постояв необходимое время в дверях и произнеся только ей свойственное «кхе... кхе...» — признак недовольства, — а потом «пропев» каждый раз одну и ту же фразу: «Когда учительница входит в класс — все умолкают и не говорят даже шёпотом», подходила к столу, садилась, открывала журнал. Если несчастный опоздавший в эту минуту открывал дверь, она, не поворачивая головы, громко произносила:

— Выйдите. Вы ошиблись дверью, это не ваш класс.

Подождав секунду, начинала перекличку, которая часто превращалась в спектакль.

— Ширяев? — вызывала она.

— Здесь, — следовал ответ. При этом ученик вскакивал, вытягивался в струнку. Если кто-нибудь отвечал по-другому: «да», «я», «тут», или вставал не так быстро, как это требовалось, учительница не прощала.

— Леснов! — повторяла она.

Леснов, спохватившись, подтягивался и, как положено, говорил: «Здесь».

Но это уже не помогало.

Ляпа вызывала его снова и снова. Если на десятый или одиннадцатый раз ученик вдруг чуть-чуть изменял позу (от усталости), кара продлевалась.

С этой муштрой мириться было нельзя. И вот однажды пионеры подошли к учительнице географии и сказали:

— Людмила Яковлевна, в советской школе муштры не должно быть.

Она посмотрела из-под пенсне, произнесла свое «кха... кха...» и, не удостоив ответом, «поплыла» в

учительскую. На следующий день после урока ребята подошли опять:

— Людмила Яковлевна, мы пионеры и просим вас...

Она покосилась на красные галстуки и, растягивая слова, удивлённо сказала:

— Пи-о-не-ры.. Это какое-то новое слово... Я его не понимаю...

Конечно, она прекрасно знала, кто такие пионеры. Появление их в школе не осталось незамеченным.

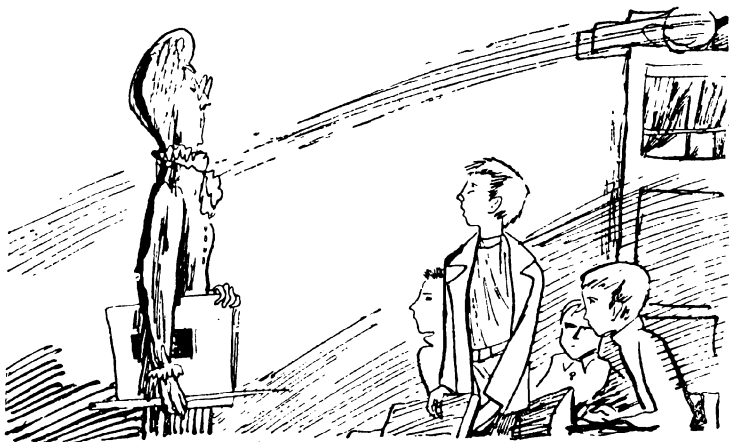
Директор Мария Михайловна, одна из тех учителей, которые с радостью приняли новое, увидев в школе учеников с красными галстуками, срочно собрала все классы в актовом зале. (Это делалось в очень редких случаях.) Вывела вперёд четырёх пионеров, в их числе была и я. Повернула лицом ко всем учащимся и торжественно сказала:

— В нашей школе большая радость — первые четыре ученика приняты в пионеры. Я хотела бы видеть красные галстуки на многих мальчиках и девочках.

Нас провожали разные взгляды: завистливые, удивлённые, презрительные, равнодушные. Но всё равно было хорошо! И немного страшно. Ведь красный галстук обязывал к борьбе за новое. И вот мы её начали. Прежде всего с муштрой...

Разговор с Ляпой не прошёл даром. Целый месяц она нас не замечала, не вызывала к доске, не называла фамилии при перекличке. Будто нас не было в классе. Но и мы не сдавались. Решили бороться до конца и не только с муштрой, но и с чуждыми идеями. А эти чуждые идеи протаскивала именно она, учительница географии. На её уроках мы изучали тогда европейские страны. Рассказывая о Франции, Людмила Яковлевна многозначительно заметила:

— Франция — удивительно богатая страна. В трудное для России время она дала в долг крупную сумму денег. К сожалению, мы отплатили чёрной небла-

годарностью — отказались отдать долг.

Комсомолец Ананий Зубжицкий громко спросил:

— О каких долгах вы говорите? Одалживали буржуи у буржуев... Сейчас у нас пролетарская власть. Она не обязана рассчитываться за царские долги. — Это всё мы уже уяснили на уроках обществоведения.

Ляпа окаменела. Пенсне соскочило с носа и повисло на цепочке. На минуту она потеряла дар речи. Зубжицкий стоял в вызывающей позе. Был он, как всегда, растрёпанный, потому что причёсываться считал условностью буржуазного общества. Заставить его застегнуться не могла даже наша любимая учительница Зинаида Васильевна. Очень мягкий человек, она настойчиво каждый день объясняла Ананию, что так ходить неприлично. А он требовал объяснения: «Почему?»

Вот так и стоял комсомолец перед взбешённой Ляпой, готовый к новому бою. Такого разговора ученика с учителем бывшая классная дама стерпеть не могла. Потеряв обычную выдержку, не своим голосом она закричала:

— Выйди вон, немедленно...

Ананий вышел, и тут же вслед за ним демонстративно вышли все пионеры.

Через несколько дней в газете «Ленинские искры», которая только начала издаваться, появилась заметка: «Уважаю географию и себя». В заметке говорилось, что до сих пор в советской школе работает человек, который ненавидит пионеров и протаскивает буржуазные идеи.

Письмо в газету поручили написать мне, так как я была деткором «Ленинских искр». Раньше чем послать заметку в редакцию, прочитала её ребятам. Вожатый Шура Матвеев очень твёрдо сказал:

— Подпишемся все: «Совет тридцать пятого отряда». Не будем подставлять товарища под удар.

Но как только газета с заметкой появилась в школе, меня вызвали к директору.

— Как ты могла?..

Я молчала. Ссылаться на коллективную подпись — значит трудиться.

Долго говорила со мной Мария Михайловна, потом завуч, потом наша воспитательница Зинаида Васильевна. Ребята пытались вступить, уверяли, что писали вместе. Но все понимали, кто автор. А я вместо чувства страха испытывала удовлетворение. Вот только Зинаиду Васильевну было не-

много жаль. Опять ей из-за нас достанется!..

Сейчас, уже спустя много лет, когда я сама имею детей и внуков, хорошо понимаю её тревоги. Она переживала за нас, а не за учительницу географии. Неуважительное отношение к старшим — вот что её беспокоило, хотя она прекрасно понимала, что наш протест не против учителей, а против старого гимназического уклада и чуждых нам людей.

Взбешённая Ляпа, наверное, первый раз за всю свою преподавательскую жизнь не явилась в школу. От нас, пионеров, требовали извинения. Но мы молчали. Извиниться — значит признать, что учительница географии права в своих политических взглядах. Ни за что!

Зинаида Васильевна после очередного разговора внимательно посмотрела на нас и вдруг ни с то-

го ни с сего набросилась на Зубжицкого:

— Взгляни на себя, на кого ты похож? Куртка расстёгнута... Волосы всклокочены. Приведи себя в порядок.

Она ушла, а мы топтались на месте, не зная, бежать за ней, успокаивать или твёрдо стоять на своём. Что-то будет?!

Но ничего не было. Ляпа сама поняла, что зашла слишком далеко. Как ни в чем не бывало через несколько дней она пришла в класс. Началась обычная пере-
кликка:

— Алексеев!

— Зубжицкий!

— Ширяев!

Все, не стовариваясь, в этот день отвечали по-разному: «я», «здесь», «тут»... Учительница географии сделала вид, что ничего не заметила. Первый бой против муштры был выигран.

Что это такое?
Расшифруем:
«школьное ученическое самоуправление». Это слово — уже история, но в те годы ему только ещё пришлось пробивать себе дорогу.

Началось с того, что всех снова собрали в актовом зале. По классам предупреждали: будет общее собрание. В зале стояли стулья, впереди — стол, покрытый красной материей. За столом — незнакомые молодые парни.

Когда мы расселись, один из них, с белым чубом, вышел из-за стола и сказал:

— Здравствуйте, советские школьники! Нас прислали к вам из райкома комсомола, чтобы создать в вашей школе ученическое самоуправление. Будете сами управлять своей жизнью, следить,

ШУС

чтобы все хорошо учились. Будете выпускать стенгазету, проводить собрания и ещё многое другое. Потом всё узнаете. А сейчас надо выбрать лучших учеников в члены ШУСа. Называйте кандидатуры.

Такое собрание проводилось впервые. Все сидели и молчали, потом заговорили разом — стали выкрикивать фамилии, спорить.

Учителя стояли насторожённые, взволнованные, не понимая, что происходит.

Ляпа застыла в дверях с видом случайной гостьи. Наша классная руководительница Зинаида Васильевна выглядела озабоченной. В ШУС вошли почти все её ученики-комсомольцы, пионеры. Как они теперь себя поведут?

После выборов представитель райкома сказал длинную речь о

том, что советская единая трудовая школа должна в корне отличаться от гимназии и что всё это зависит от нас самих. «И не думайте, — добавил он, — что теперь можно не учиться. Наоборот — учиться, учиться и учиться, как завещал Ленин...»

На другой день вышла первая школьная стенгазета. Делали ее всю ночь. Заметки были похожи одна на другую. Все писали о собрании, об учителях, которые «пе-

стов. Называлась — «юнгштурмовка». Защитного цвета юбки и брюки, гимнастёрки, кожаные портупеи. Совсем не надо было ходить в форме на уроки, но некоторые комсомольцы делали это специально, чтобы, как говорила одна девочка, «шокировать учителей».

На уроке физики мы выпускали стенгазету, а в педсовет подали «петицию» убрать учителя, потому что нам не нравилось, как он ведёт урок. Зинаида Васильевна пыталась нас вразумить:

— Опомнитесь, дети. Надо строить школу, а не разрушать...

реположились». Так и было сказано: «Все переположились». Очень это обидело нашу Зинаиду Васильевну. Долго, терпеливо объясняла она нам значение самоуправления, рассказывала об учителях, которые и в суровые годы царского самодержавия выступали за народные школы, боролись за права учащихся.

Нам было стыдно за чересчур ретивых корреспондентов. Как же можно было сказать «все», когда мы сами отличали настоящих советских учителей от классных дам из бывшей гимназии.

Позднее мы поняли многое, а тогда... На школьных вечерах комсомольцы устраивали цепочки и преграждали дорогу танцующим. «Долой танцы, да здравствуют игры» — такой лозунг вывесили в актовом зале. Танцы тоже считали буржуазным предрассудком.

Помню, у комсомольцев появилась форма немецких коммуни-

Наш комсомольский секретарь Вася Чувиков собрал всех комсомольцев.

— Что же получается? Учение побоку? Пусть напманские сынки будут инженерами? В порядке комсомольской дисциплины забрать заявление обратно, взяться за ум...

Было уже поздно, некоторые учителя объявили нам бойкот — отказались прийти на наш выпускной вечер. Но он всё-таки состоялся. Павел Иванович, Зинаида Васильевна, Мария Михайловна с грустью расставались с нами. Они понимали: из школы уходили боевые ребята, которые хотя и неумело, ощупью, но делали своё дело — боролись за новую школу.

Спустя несколько лет Ананий Зубжицкий окончил Военно-морское училище и пришёл навестить нашу любимую воспитательницу, которой он, увы, доставлял в школе немало неприятностей.

Зинаида Васильевна увидела стройного офицера-моряка в застёгнутом на блестящие пуговицы кителе.

— Теперь понял, почему надо застёгиваться и причёсываться? — спросила она, улыбаясь.

— Так точно, — щёлкнул каблучками Зубжицкий, — отсидел на гауптвахте трое суток и сразу понял.

Смеялись. Вспоминали озорные, смутные, но очень хорошие школьные годы.

Семья

К С

1.

В РЕДАКЦИИ газеты «Ленинские искры» он появился в 1957 году, — мальчишка в будёновке. Чётко, по-военному, доложил, что он — Генька, должность у него — ординарец командира красных следопытов, задание — позвать на поиск ребят.

Сразу в редакцию повалили ребята. По-одному, по-двое, по целому отряду... Все хотели стать следопытами, готовы были идти хоть на край света.

Среди группы таких пионеров я заметила однажды маленькую девочку. Она робко стояла в дверях. Одной рукой прижимала к себе огромный альбом, другой крепко держалась за папу.

Папа в рабочей спецовке, с виду тоже не из бойких, смущённо разглядывал битком набитую детьми комнату и выжидал.

— Вы к кому?

Отец сделал несколько шагов вперёд, ведя за руку дочку.

— Ну, говори же, — шепнул ей на ухо.

— Хочу стать красным следопытом, — тихо сказала девочка.

Я была озадачена. Следопыт за ручку с папой?

— Как тебя зовут?

— Ира Кучинская.

— Так вот, Ирочка, — начала я, как обычно, предварительный разговор, — следопытом быть непросто. Иногда нужного человека ищут год, два, и всё не везет. А бросать нельзя. Разбередите старые раны участника войны или матери погибшего, а потом исчезнете.

Такой разговор я заводила специально. Важно было отсеять тех, кто считал большое следопытское дело только игрой. Обычно после беседы никто не отступал. Наоборот, брался за дело с настоящим рвением.

Но девятилетняя девочка? Я была уверена: она и её папа поймут — следопытство не по силам второкласснице.

Но папа и дочка слушали внимательно и не собирались уходить.

— Взгляните на её дневник, — понимая, к чему я клоню, сказал обиженный папа.

Огромный альбом и был дневником поисков маленькой следопытки.

С интересом перелистала страницы, прочитала письма героев Бреста.

Ира искала одного из них — трубача, о котором прочитала

Красные следопыты Ленинграда у С. М. Буденного. Рядом с Маршалом Советского Союза — Ира Кучинская.

в «Искорке». Написала письмо по адресу: «Брест. Бывшим партизанам». Получила ответ из музея. Дали адрес ленинградца, участника обороны крепости. Может, он знает, где сейчас трубач.

Юрий Викторович Петров рассказал Ире, что знал трубача, но где он сейчас?.. Ира продолжала писать. Много. В разные места. И отыскала всё-таки своего трубача — Владимира Пахомовича Казьмина.

Да, характер у Иры явно следопытский! И хотя на первых порах она разыскивала уже известных людей, всё же было ясно: не растеряется и в более сложных поисках.

— Ладно, — сказала я, — берём тебя в отряд.

Ирочка улыбнулась. Папа тоже.

Первые два года она являлась на все следопытские сборы только с ним. Уже позднее я узнала, чего это стоило.

Виктор Владимирович Кучинский работал электромонтёром на заводе имени Энгельса. Кончал работу в четыре, а следопыты собирались обычно в пять... Живут Кучинские далеко — на Светлановской площади. Успеть зайти за Ирой, на ходу поесть чего-нибудь и бегом к трамваю! Ирочка всегда была наготове и нервничала: не опоздать бы!

Через год дочка Кучинских уже поехала в Москву в числе лучших следопытов. Побывала у маршала Будённого, в ЦК комсомола, в Министерстве культуры. И везде носила с собой изрядно потолстевший к тому времени дневник поисков.

Помню, заместитель министра культуры, в то время Николай Николаевич Данилов, сразу обратил внимание на девочку, которая чуть была видна из-за стола. Заметил и альбом.

— Ну-ка покажи, что у тебя?

Долго рассматривал, потом удивлённо спросил:

— Это ты всё сама сделала?

Ира честно ответила:

— Папа помогал.

Николай Николаевич встал, протянул Ире руки и очень серьёзно сказал:

— Передай спасибо твоему папе за правильное воспитание дочери.

Ирочка вспыхнула от счастья. Она так смущалась, оттого что ходила всюду с папой, а тут вдруг похвалили!

Ира ещё долго увлеклась историей обороны Брестской крепости, успела подружиться со многими её участниками — и вдруг...

Раздался в квартире звонок. Ира открыла дверь. Перед ней знакомый мальчик, один из тех, с кем встречалась в штабе КС.

— Здесь живёт Виктор Владимирович Кучинский? — спросил он и осёкся: узнал Иру. Смутился.

— Проходи, Саша, проходи, — подтолкнула Ира неожиданного гостя. — Зачем тебе папа?

— Я... я... — Саша Тараха совсем растерялся.

Он был новичок, а Ира — опытный следопыт. У самого Будёного побывала! Что же он ей скажет? Что нашёл в ее семье одного из первых пионеров Монетного двора? Да она и сама это прекрасно знает!

Но Ира не знала...

— Папка, папка, что же ты мне ничего не сказал! — упрекала она потом отца, а тот отшучивался:

— Ждал, когда сама найдёшь.

— И меня бы неплохо найти, — отозвалась из кухни мама.

— Ты тоже была пионеркой? — Ира вбежала на кухню...

— И пионеркой, и вожатой... Спроси, спроси отца, как ему от меня попадало...

Тут только Ира узнала, что папа и мама сдружились ещё в школе, где они оба работали вожатыми. Мама — старшей, а папа — отрядным, с производства. Было это в 30-х годах.

— Теперь понимаешь, почему я до сих пор беспрекословно подчиняюсь маме? — подмигнул Ире отец.

Дочка улыбнулась, но задумалась: у неё под самым носом история пионерской организации!

В то время красные следопыты как раз собирали материал по истории Ленинградской пионерии.

— Мама, папа! Вспоминайте скорее своих товарищей, — потребовала однажды Ира и схватила со стола блокнот.

...Начались новые поиски. Мама, Серафима Ивановна, не знала тогда, что пройдет немного времени и она сама с головой уйдёт в пионерскую историю, с увлечением будет заниматься следопытскими делами.

Уже на другой день папа договорился на заводе, чтобы дочке дали пропуск. Именно там, на заводе, где проработал всю жизнь отец, Ира решила начать поиски пионеров разных поколений.

Ей предстояло самой, уже не за ручку с папой, пойти по цехам, говорить с людьми...

Начала она с секретаря директора. Той пришлось встать, чтобы из-за кипы бумаг разглядеть «посетительницу».

— У кого мне можно узнать насчёт пионеров двадцатых годов? — спросила Ира.

Её повели в комитет комсомола.

Для следопыта нужна только первая ниточка — человек, который что-то помнит. Потом встреча дома, новые адреса. От одного к другому... Неизвестные фотографии, которые надо опознать, и опять встречи... Интересно! Кто хоть раз сделал открытие, даже самое маленькое, тот уже не сойдёт со следопытских дорог. Так было и с Ирой. Больших открытий она, правда, не сделала, но в экспозициях Пионерского зала Музея истории Ленинграда есть немало инте-

ресных материалов, найденных двенадцатилетней девочкой. И если первым провожатым её был папа, то проводником в новых поисках стала мама. Она терпеливо учила дочку настойчивости, порядку.

— Не разбрасывай бумажки... Заведи папку... Вот тебе место в буфете, складывай всё сюда... Записывай сразу, что узнала, а то забудешь...

2.

В ТРЕТЬЮ годовщину следопытского движения Ира принесла в редакцию подарок — вымпел с вышитыми буквами «КС».

— Наташа всю ночь вышивала, — сказала она.

— Наташа? Кто такая?

— Сестра.

Вскоре явилась и сама Наташа. Ира худенькая, тихая, а Наташа — крепкая, боевая. Сразу создала в своей дружке отряд КС. У мамы Кучинской тоже прибавилось работы. Ира уже действовала самостоятельно, а Наташе на первых порах надо было помогать.

Прежде всего Серафима Ивановна пришла в школу, познакомилась с Наташиным отрядом, рассказала им, как должны действовать красные следопыты, посоветовала тоже заняться историей Выборгской пионерии. И вот уже не одна Ира ходит по новым адресам, а ещё целый Наташин отряд. Прибавилась и почта...

Однажды распечатала Наташа конверт, читает, ничего понять не может: поздравляют её почему-то со спортивными успехами.

Ещё письмо, опять поздравление: «Приветствуем любимую гимнастку!»

— Тебя спутали с другой Наташей Кучинской, — сообщила Ира.

— Ну конечно, конечно, — смеялись все.

Ответили, что ошиблись, что это не та Наташа, а письма всё приходят и приходят. Что делать? Пришлось пойти в редакцию за помощью. Свели мы двух Наташ, сфотографировали, поместили снимок в газете, чтобы другие впредь не ошибались.

3.

ЧЕРЕЗ год в редакцию явился ещё один Кучинский — Юра. Прислышал, что при газете создана команда ЮКН — юнги корабля «Нетте», того самого корабля, на строительство которого пионеры собирали металлолом.

Руководил командой один из первых красных следопытов Толя Ключев. Он уважал «следопытство» и морское дело, собирал по дворам безнадзорных ребят, влюблённых в море, учил их вязать узлы, семафорить, плавать и... заниматься поисками героев-моряков.

«А тот, кто ищет героев, сам не должен плошать» — таков был девиз Ключева. Очень скоро его юнги преображались.

Юра не был безнадзорным, но учился не очень хорошо. Толя его принял в команду. И что же... Стал учиться лучше. Не подводить же команду, да и фамилию Кучинских.

Чтобы понять Юрин характер, надо знать одну историю, совсем недавнюю.

Ушёл он в субботу с другом погулять и пропал. Час ночи, а его

всё нет. Мать и отец не спят, волнуются. Не бывало еще такого. Явился наконец.

— В кино был, на последнем сеансе, на ранний билет не достал, — попытался оправдаться Юра и сразу умолк, увидев заплаканные глаза матери.

Ничего ему не сказали родители, а на другой день за обеденным столом собралась вся семья. Так заведено.

Виновник сам обо всём рассказал. И сам себе наказание определил.

— Целый месяц в кино не пойду, — сказал он твёрдо.

Мать пожалела:

— Недели хватит.

Но Юра повторил:

— Сказал, и всё. Слово!

Наташа одобрительно кивнула головой. Она всегда за самодисциплину. Ира вздохнула сочувственно: знала, чего ему будет стоить это обещание. Ведь без кино он и дня прожить не может.

4.

СПУСТЯ некоторое время я пришла к Кучинским домой и вдруг увидела ещё двух детей — Галю и Таню.

Когда Ира ездила в Москву, Тане было три года, а Гале — пять. Девочки успели подрасти и уже помогали Ире и Наташе. Итого семь следопытов — двое взрослых и пятеро детей.

Там же оказался ещё один член семьи... Об этом тоже следует рассказать.

В штаб КС пришло как-то письмо от мальчика из Молдавии. Он хотел переписываться с кем-нибудь из красных следопытов. Кому отдать письмо? Конечно, Ире. Она обязательно ответит, не задержит. Ответила раз, другой. Из писем узнала, что мальчику живётся тяжело. Одна мать, а детей много. На учебники и тетради не хватает. Показала письмо маме.

Серафима Ивановна, недолго думая, вместе с Юрой собрала посылку, одну, другую. Даже сапоги новые послала.

Писал мальчик письма, писал, да и приехал в гости. Думал, на неделю, а прожил год. Заставили учиться, а потом на работу устроили. Теперь Володя П. женат, живёт в другом городе, а нет-нет да и приедет, а если пишет, то так:

«Мама, папа, сестрёнки, братишка!»

5.

В СКОРЕ к следопытской семье Кучинских прибавилось ещё 20 человек. Случилось это так.

Пришла домой Серафима Ивановна. Сняла пальто, развязала платок и говорит:

— Принимайте в свою семью новых следопытов.

Юрка подбежал, взял пальто, повесил на вешалку...

— Кто такие? — спрашивает.

— Из детдома. Помните, я там детей навещала? Директора встретила. Разговорились. Просит у них отряд организовать. Я пообещала. Вот и всё.

— А что,— смеётся Юрка,— очень кстати. Было нас семь, будет—двадцать семь. Теперь-то мы со всеми письмами управимся...

Дело в том, что мама Кучинская стала активным членом секции ветеранов пионерского движения. Дежурит в Пионерском зале, проводит там экскурсии, отвечает на письма. А писем много. И в музее, и в штабе КС. Пишут дети и взрослые, со всех концов страны. Одни просят разыскать родных, другие — достать справки, третьи сами что-то сообщают. Всем ответить надо, а чаще всего и помочь. Просматривает Серафима Ивановна почту, отбирает себе просьбы потруднее, а потом со своим семейным отрядом ходит, ищет, помогает... Так что новому отряду следопытов дело нашлось сразу.

Семью Кучинских трудно застать дома всех сразу. Вот так и получилось, что на этом снимке нет Наташи.

Фото Н. Карасёва

6.

ПРИШЛО письмо из Челябинска. Матвей Васильевич Коробанов просил прислать горсть земли с могилы сына, похороненного на Пискаревском кладбище. Эту просьбу выполнили Таня, Галя и Юра. Поехали на кладбище, разыскали могилу, взяли горсть земли, положили в коробку, перевязали красной лентой и написали: «От пионеров Ленинграда». Юра сфотографировал всех и карточку приложил к посылке.

Человеческие просьбы... Их много. Александр Архипович Шепетько из Артёмовска собирает для своего городского музея сведения о земляке Константине Григоренко, погибшем под Ленинградом. Просит прислать всё, что известно о нём.

«Вам будут благодарны не только дочь и жена Григоренко, но и все жители Артёмовска», — пишет Шепетько.

Следопыты Кучинские (к ним я причисляю и воспитанников детдома) идут в музей, узнают, что о Григоренко есть много материалов, что он учился в институте имени Лесгафта, ушёл с отрядом добровольцев-студентов на фронт. Погиб за Ленинград. И фильм о нём есть. Всё, что могли, достали и отправили в Артёмовск.

А тут пришло письмо от Нины Владимировны Колосовой, просит найти могилу брата.

Значит, снова в поиск...

Работы хватает. По вечерам, особенно в субботу, вся семья пишет, рисует, клеит. Юра печатает фотографии. Специально для этого освоил фотодело.

Сидят иногда до поздней ночи. Зато в воскресенье отсыпаются. Виктор Владимирович, по рабочей привычке, встает раньше всех, идёт в магазин.

Впрочем, хозяйством занимаются все — готовят, моют полы, убирают. За очередью следит старшая, Ира. Юра не отстаёт от сестёр. Говорят: его щи самые вкусные. Может быть потому, что он их делает по-флотски?

7.

КОГДА я заканчивала очерк, мне почему-то захотелось ещё раз встретиться с Серафимой Ивановной.

— Что нового? — спросила я.

— Ничего особенного, — как всегда просто ответила Кучинская.

— Могилу брата Колосовой нашли?

— Могилу нет, а товарища по части нашли. Они уже списались.

Нина Владимировна ответила: «Спасибо. Словно с братом поговорила».

— А ещё от кого получили?

— От Матвея Васильевича из Челябинска, который землю с могилы просил.

— Покажите!

Читаю: «Теперь священная земля стоит в углу, где прежде висела икона. Посылаю Юрке значок «Орлёнок». Он мальчик, будущий воин. Пусть носит. Значок — копия памятника погибшим юным героям...»

Я беру стопку писем, читаю... Не могу оторваться. Неровные, с трудом выведенные строчки:

«Милые мои ленинградцы! Вы не представляете, сколько бывает радостных слёз, когда я получаю от вас весточки. Счастлива, что имею таких друзей, такую семью».

— От кого это?

Серафима Ивановна рассказывает целую историю об одиноком человеке — Лидии Семёновне Литовченко из Одессы. На фронте она была наводчицей, разведчицей, а сейчас инвалид. Лежит в госпитале. Началось с небольшой просьбы: справка нужна была из Ленинграда, а кончилось дружеской перепиской.

Иногда мне кажется, что Серафима Ивановна всё это нарочно придумала: повела ребят по следопытским дорогам, чтобы узнали они людей мужественных, верных, смелых, чтобы сами такими стали, научились чужую беду понимать, не проходить мимо.

Нет. Не придумала. Она сама такая. Сердечная, искренняя. И она, и её муж, и дети.

КАК РОСЛИ НОГИ ИЛГИЗАРА

Илгизар вернулся из школы, волоча ногу, как подбитый утёнок.
— Ой, ой, больно! Ботинки жмут!
— Ты что? — спросила мама. — Ведь месяц, как купили. Сам же и мерил в магазине. И размер твой. Двадцать девятый.
Но окайанные ботинки жали, как тиски. Никакого спасу! Пришлось купить Илгизару новые ботинки. На размер больше. Тридцатый.
Но через три недели Илгизар опять заскулил:
— Ой, не могу! Ой, жмут!
И что за ноги у этого Илгизара! Точно огурец на грядке: растут не по дням, а по часам!
Купили Илгизару ботинки тридцать первого размера. Потом купили тридцать второго, тридцать третьего, тридцать четвёртого...
Потом мама окончательно испугалась:
— Что же это такое? Пойдём к врачу!
Врач осмотрел босые ноги Илгизара и, хитро улыбнувшись, потянулся к стеклянному шкафчику...
Сейчас Илгизар опять щеголяет в тех самых ботиночках, которые двадцать девятого размера.
Ты спросишь: как же врач укоротил ноги Илгизара? А он и не укорачивал. Взял в руки обыкновенные ножницы и обрезал длинные, как у шурале, скрюченные ногти. Только и всего.

Рис. М. Бекташева

Сергей СКАЧЕНКОВ

* * *

*Сентябрь развесит листьев грусть
И посинит просторы.
Пусть первых заморозков хруст
Придёт ещё нескоро,
Но время медленным шагом
Крадётся понемножку,
Глядишь — берёзовым листком
Октябрь прильнёт к окошку.*

Рис. В. Адаева

ВЫШЛО так, что я оказался один в этом дворе, оказался случайно: искал старого школьного товарища — и адресный стол привёл меня сюда.

Это был обыкновенный ленинградский двор, неожиданно яркий после неприглядного, скучного фасада. Кусты сирени, акации, пёстрые клумбы. Зелёные взрывы на сером асфальте.

А потом я увидел морщинистую липу, заслонившую окна третьего этажа. Липа была однобокая. На пустой её стороне, на уровне двух моих ростов, виднелся чёрный шрам — оттуда начиналась когда-то гигантская ветвь. Я проследил глазами направление, в котором она росла, и увидел выступ над аркой — здесь дом выпирал вперёд, образуя фонарь — окна на три стороны света.

И ветвь липы, несуществующая, никому не видимая, зашевелилась вдруг перед моими глазами, застелила зыбкой зеленью стёкла. Всей своей памятью, памятью рук, глаз я ощутил себя по ту сторону стёкол, за партой, в жарком солнечном мареве. Мне и в самом деле стало жарко, так отчётлива была память.

Двадцать пять лет прошло с тех пор.

Она вошла в класс боком, словно боясь помешать. Прижимая к груди старенький портфель, тихо сказала «здравствуйте» и прошла к столу. Села, поставила порт-

А. КРЕСТИНСКИЙ

МАЙСКОЕ СОЛНЦЕ

Рисунки В. Адаева

фель на колени, достала потрепанный томик Гоголя и начала читать вслух «Тараса Бульбу».

Имени, отчества своего не назвала, а мы не спросили. Ничем мы не интересовались, кроме еды.

Сколько ей было лет, трудно сказать. Возраст прятался за худобой, отёчностью, за десятками одежек.

Она читала нам Гоголя медленно, монотонно. В её голосе появлялись живые нотки, когда речь шла о пирах запорожских. Эти места мы слушали внимательно.

Электрический звонок не работал, и нянечка обходила классы с колокольчиком. Колокольчик был слабый, нянечка простирала руку в класс и встряхивала колокольчик.

Когда началась большая перемена, наша учительница отложила книгу и сказала своим тихим голосом: «Можно выйти».

Она достала из портфеля разные баночки, скляночки, свёрточки с продуктами — всё кукольных размеров — и

аккуратно расставила, разложила на столе. Она делала тщательный осмотр своих продовольственных запасов, проверяя их на глаз, на вкус, на запах. Что-то шепча, она отвинчивала и открывала пробки, недовольно покачивала головой, когда в хозяйстве не ладилось, или, напротив, — улыбалась. Потом поела немножко — чуть каши, чуть сахарцу, ещё чего-то, чего — непонятно. И после этого стала завязывать, закручивать, заворачивать, завинчивать. Не торопясь, спокойно.

Она вообще всё делала очень спокойно, никого не стесняясь. Она просто не замечала нас.

Потом забренчал колокольчик, и мы снова принялись за «Тараса Бульбу». Точно с того места, где кончили на прошлом уроке.

Мы не бузили, как в мирное время. Нас собрали сюда, в школу, чудом оставшихся в живых после первой блокадной зимы, вытащили из

мёртвых домов, чтоб накормить и вернуть к жизни.

Никогда не забуду тот день. Первый школьный. Он был объявлен всюду — на перекрёстках, в подворотнях, на улицах — большими буквами.

И солнце стерегло тот день. С самого утра пробилось сквозь льдистую синеву неба его тепло.

Мы ждали тепла, как победы. Нет сегодня — будет завтра. Завтра не будет — послезавтра...

И вот теперь мы сидели в своём классе-фонаре — окна на три стороны света — и купались в солнце. Мы дремали в нём, глотали его сонно, поворачивали к нему то одну, то другую щёку. Оно щекотало наши худые уши, наши затылки и глаза. Как в оранжерее — тихо и парит. И ветка старой липы чуть движется за окном. И бормочет-журчит, словно вода, далёкий голос...

Что-то всё-таки было в этом медлительном, усыпляющем чтении. Оно скрашивало нам трудные часы ожидания обеда.

К третьему уроку мы разматывали шарфы, к четвёртому — сняли пальто. Только на нашу учительницу солнце не действовало. Она зябко куталась в свои бесчисленные платки и прятала руки в рукава ватной телогрейки.

Прошло несколько дней. Мы немного отогрелись, втянулись в режим и начали скучать.

Развлечение придумал Валька Камыш, сын подавальщицы из школьной столовой. На переменке, когда учительница колдовала над своим портфелем, он встал за её спиной и долго кривлялся, повторяя все её движения. Мы тихо веселились.

Смутный инстинкт руководил нами: пока обижают другого — не тронут тебя. Поддерживай сильного — не останешься в дураках.

Валька Камыш был сильным. Был сытым. Когда он смеялся, тряслись его толстые щёки с сизыми прожилками. Каждый день он придумывал новенькое: то подложит учительнице какую-нибудь дрянь, то утащит со стола баночку с сахарным песком, то портфель привяжет к стулу...

Хоть бы раз она рассердилась, обругала нас, ударила кулаком по столу. Никогда. Молчит и беззащитно смотрит нам в глаза, как ребёнок, который ещё не понимает, что его обижают.

Иногда я думал, что она и мы живём в каких-то разных мирах и нам только кажется, что мы соприкасаемся, а на самом деле это совсем разные миры-коридоры с глухой стеклянной стеной, сквозь которую только видно, но ничего не слышно, и вроде бы мы рядом, а сами идём в разные стороны — она в свою, мы в свою...

Олег Рымов подошёл после уроков к нашей учительнице и вежливо спросил:

— Нет ли у вас ценных книг? Если хотите... на хлеб и продукты...

Учительница посмотрела на него. Что-то у неё в глазах мелькнуло — интерес, что ли, — и тут же потухло. Ничего не ответив, она взяла свой портфель и пошла к двери.

...Артобстрел начался на большой перемене, когда наша учительница по обыкновению перебирала содержимое своего портфеля.

Хлопая крышками парт, мы хватали сумки, книги и бежали вниз, в убежище. Кто-то задел учительский стол. Банки-склянки покатались на пол.

Завуч построил нас в коридоре первого этажа. Гулкий, без окон, коридор наполнился шёпотом, шарканьем ног. Толкая друг друга в спину, мы спустились в сводчатый подвал, и завуч, войдя последним, плотно прикрыл за собой массивную железную дверь.

Под сводами покачивался керосиновый фонарь, тень его вздрагивала на стене. Вдоль стен стояли длинные столы и скамейки. Дальний угол занимала принесённая из какого-то класса чёрная доска.

В убежище глухо отдавались разрывы снарядов. Снаряды ложились близко. Видно, немцы нащупывали судоремонтный завод. Фонарь при каждом ударе вздрагивал, как живой.

— Амалия Петровна! — сказал завуч. — Вы здесь?

Амалия? Странное имя... Завуч опять что-то спросил, я не расслышал, что — в ту же секунду ударил взрыв такой силы, что пол вздрогнул под ногами, а с потолка нам на головы посыпалось мелкое и сухое. Наступила тишина, в которой каждый понял: это к нам.

Заскрипела дверь убежища — наверно, завуч вышел на разведку. В тишине хлопнули двери, потом ещё и ещё, а я всё слышал своё сердце и старался не слушать его, а слушать только то, что происходит наверху.

Снаружи донеслись крики, и тут мы не выдержали. Опрокидывая скамейки, расталкивая друг друга, рину-

— Спокойно, ребята, без паники! — приказал завуч. — Сейчас мы узнаем, что случилось. Товарищи учителя, ко мне! Амалия Петровна, где вы? Пятый класс, где Амалия Петровна?

Значит, её зовут Амалия Петровна. Я открыл рот и хотел крикнуть, что её нет, но испугался. Начнутся расспросы, и надо будет отвечать, а что отвечать?

— Пятый класс! Языка лишились?!

— Нет её... — сказал кто-то.

лись к двери, вырвались в тёмный сводчатый коридор, а оттуда через пустой проём — дверей уже не было — в подворотню.

— Пятый класс, назад! — крикнул завуч.

Он стоял в подворотне, раскинув руки запрещающим жестом, а за его спиной медленно рассеивалось облако пыли. По мере того как оно рассеивалось, проступали очертания битого кирпича, деревянного крошева, извёстки. В проломе вниз головой висела наша голубая круг-

лая печь. Как она там держалась, было непонятно...

— Пятый класс, назад! — повторил завуч.

На наши головы и плечи оседала белая и красная пыль. Над нами зияла дыра, и солнце свободно падало в неё сверху. Оно чётко освещало всё: и обломки досок, и стены, изъеденные осколками снаряда, и осколки стекла, мириады осколков стекла.

— Ты что, глухой! Назад!

Завуч схватил меня за плечо, потрянул. Я опустил голову, чтоб не смотреть ему в глаза, и машинально стал

разрывать землю носком сапога. На солнце сверкнула ярко-красная бабочка из-под чаю. Я мучительно вспоминал, что в ней было. Сахар вроде...

— Ну! — сказал завуч.

Я и сам не мог больше тут стоять. Я чувствовал, что всё мне тут чужое, и сам я себе чужой. Завуч отпустил моё плечо, и я пошёл, спотыкаясь, прочь, не глядя никуда. Я ушёл за школу, на стадион, и сидел там на прошлогодней траве, не прячась от солнца, хотя больше всего мне хотелось спрятаться именно от него.

Е. РУСАКОВ

В л е с у

*Заблудился в чаще...
Глядя в синеву,
Голосом звенящим
Крикнул я: «Ау!»
Сердце бьётся, бьётся.
Замер не дыша...
Может, отзовется
Добрая душа.*

Рис. В. Адаева

СОВСЕМ не просто найти себя. Найти то, что тебе кажется самым любимым, самым главным делом в жизни.

В школе Лёва Мочалов очень любил рисовать. А в седьмом классе написал вдруг стихотворение. О природе. Вроде будто бы оно само написалось! Но за первым стихотворением пришло второе, третье... Что же делать? Серьёзно заняться поэзией? А живопись?.. Лев Мочалов учился уже в художественной школе, готовясь стать живописцем. Но стихи не отступали, не давали покоя...

Много лет прошло с тех пор. У поэта Льва Всеволодовича Мочалова уже три сборника стихов: «Глядя в глаза», «Всё ещё в апреле» «Все-

ленная за сном». В прошлом году он создал первую книгу стихов и для детей — «Голубой лес».

Значит, что же: стихи победили? А живописи он изменил?

Это не совсем так. Ведь настоящий художник может рисовать не только красками и карандашами, — передать прелесть природы можно и словом. Вот прочитайте стихи поэта — и вы сами в этом убедитесь.

Лев МОЧАЛОВ

Д е р е в ь я

Хожу и смотрю на деревья
зимою и ранней весной.
Мне снова не скрыть удивленья,
следя за живой кривизной.
Откуда вон та закорюка
и этот причудливый крюк!
Как будто они многоруко
змеились — и замерли вдруг.
Я знаю, наверно, во мраке
они оживают тайком
и споры заводят, и драки
и в стену стучат кулаком.
И только при солнечном свете
стоят и боятся дохнуть,
лишь ветер упругие ветви
шевелит, колышет чуть-чуть.
Но всё же, я знаю, бывает,
не только порою ночной —
деревья и днём оживают,
танцуют за нашей спиной.
И строят нам рожицы сзади,
и рвутся бежать от земли,
А глянешь — застыли при взгляде,
как будто при слове: «Замри!»

Одни — раскорячась нелепо —
застигнуты явно врасплох,
другие — что тянутся в небо, —
задерживают свой вдох.
Но всё-таки, честное слово,
застыли они напоказ.
Лишь ты отвернулся — и снова
деревья пускаются в пляс!

Ветер

Щекотно паутинка
 приклеется к щеке —
 то ветер-невидимка
 прошёл невадалеке.
 Ответь, какой ты, ветер?
 Открой свое лицо!
 ...Лишь лёгонькие ветви
 качает деревцо.
 Лишь из трубы
 кудлатый
 летит над домом дым,
 торопится куда-то
 за облаком седым.
 Да проступает синька
 на голубой реке,
 да пламенем косынка
 заплещется в руке.
 О стену хлопнет ставень,
 и с жёлтого куста
 вспорхнёт пугливой стаей
 осенняя листва.

Летит с верёвки платьице
 вдогонку за листвою,
 и чья-то шляпа катится
 сама по мостовой.
 И мы глядим, не веря,
 не понимая то,
 как распахнулись двери
 и не вошёл никто.
 Ведь ветер — незаметен,
 лишь остаётся след,
 где побывает ветер,
 а ветра-то
 и нет!

Язык огней

Ночь растворяет берега
 чернильной темнотой.
 И где земля, и где река!
 Мель — за какой чертой!
 Мой друг, и ты когда-нибудь
 в ночную тьму взгляни.
 Огнями зашифрован путь...
 Умей читать огни!

Огни идущих кораблей,
огни, что там и тут,
то чуть левее, то правей,
таинственно живут.
Огни бессонных маяков
и бакенов огни.
Всю ночь — во тьме
без берегов —
нас берегут они.
Пусть друг от друга далеки,
как от звезды звезда,
плывут —
речные светляки, —
мигая иногда.
Зелёный,
красный,
белый цвет —
всё что-то означает.
И кто-то «да», и кто-то «нет»
кому-то отвечает.
Всю ночь, когда кругом ни зги,
идёт огней работа.
И кто-то просит: «Помоги!»
И помогает кто-то.
И, может быть, звезде звезда,
пронзая светом полночь,
кричит во тьме: «Со мной беда.
приди ко мне на помощь!»
Ты не сочти издалека,
что та звезда — немая,
её простого языка
ещё не понимая!

Что он нёс?

Человек под мышкой нёс
не пакет, не папку.
Не сундук, не пылесос
он схватил в охапку.
Нёс не торт,
не каравай,
не буханку хлеба.
Нёс он дерево,
трамвай
и кусочек неба.
Но всего лишь через миг
нёс уже другое:
пятитонный грузовик
прижимал рукою.
А потом — щиты реклам
прихватил,
но странно:

буквы выглядели там
как-то иностранно!
И, наверно, от ходьбы
на живой картине
люди,
здания,
столбы
вверх и вниз ходили.
И качался гастронм,
тополя качали
ветви в небе голубом
с чёрными грачами.
Так же, как мои друзья
Вовка и Серёжка,
там приплясывала вся
улица
немножко.
И среди моих друзей,
тех, что нёс прохожий,
был какой-то ротозей,
на меня похожий!

Рис. Г. Моисеевой

Случилось всё так...

В Музее Октябрьской революции выставлен... окорок. Удивительно! Здесь каждая вещь рассказывает о великих днях революции, о смелых делах большевиков, о борьбе за свободу, и вдруг — окорок! Почему он здесь? Не ошибка ли?

Нет, не ошибка.

Случилось всё так. В царском Петербурге был интересный музей, необычный. Там висели колбасы, сосиски, разные рулеты, окорока. Конечно, это были муляжи, но многие принимали их за настоящие изделия: уж очень хорошо они были сработаны. Над ними трудились отличные мастера-художники. А лучшей среди мастеров была молодая художница с редким именем. Её звали Афанасия. Афанасия Леонидовна Шмидт.

Никто не подозревал, что Шмидт — большевичка, что у неё даже есть партийная кличка. Революционеры-подпольщики звали её Фаня беленькая.

Однажды Фане дали наган, чтобы она свезла его в пригород, где большевики прятали оружие. «Вечером свезу», — решила Фаня и, спрятав револьвер в муфту, пошла в музей. Шла не торопясь, с утра ей что-то нездоровилось, болела голова, одолевал кашель, щипало в горле.

До музея оставалось совсем немного, каких-нибудь три-четыре квартала, когда она заметила «хвост». По другой стороне улицы семенял низкорослый тип в котелке. Воротник его коричневого пальто был высоко поднят, жидкие усишки лихо закручены в тонкие колечки.

Опытная подпольщица, Фаня сразу определила: сыщик из полиции. Значит, полиция что-то пронюхала, каждую минуту её могут арестовать. В муфте найдут револьвер, и тогда — суд, тюрьма, каторга.

«Добраться до музея! Надо идти быстрее!» Она ускорила шаги. Сыщик, не отставая, семенил по другой стороне. Фаня свернула в безлюдный переулок, сыщик — тоже. Фаня вышла на проспект, шпик — за ней.

Но вот музей.

С трудом поднялась она в мастерскую и, обессиленная, опустилась на стул.

— Какая вы румяная! — любезно заметил главный художник господин Замурзаев.

— Мне нездоровится... немного... Спущусь в зал... подправлю кое-какие макеты...

— Не беспокойтесь. Я прикажу поднять их сюда.

— Спасибо... не надо... исправлю на месте... там — пустяки...

Она положила в муфту тубик клея и какие-то инструменты. Держась за перила широкой лестницы, Фаня спустилась в музей, подошла к последнему своему муляжу — окороку. Короткий сильный рывок! Корка окорока надорвана! Сунув наган в муляж, она быстро придала ему прежний вид и вернулась в мастерскую.

— С вами положительно что-то происходит, — сказал господин Замурзаев. — Ушли румяной, вернулись бледной...

— Мне плохо... Знобит... И голова... кружится...

Господин Замурзаев ценил мастерство художницы Шмидт. Он встревожился:

— Я вызову извозчика! Сейчас же — домой! Немедленно!

...Вечером пришёл доктор и приказал лежать, хотя бы пять дней. У Фани оказалась инфлюэнца. Так в те годы называли грипп.

— Полный покой, полный покой! — строго повторял доктор.

Но покоя не было. Фаня думала о сыщике из полиции. Почему за ней следят? Значит, полиция что-то знает. Может быть, знает об этом револьвере? Надо готовиться к аресту.

Она уснула глубокой ночью, а на рассвете вломились жандармы.

— Где прячете револьвер? — спросил жандармский ротмистр.

— Зачем мне револьвер? Я и стрелять не умею...

Жандармский офицер насмешливо прищурил круглый навывкате глаз:

— Конечно, конечно, вы же — художница. Клей, краски,

кисточки — вот и всё ваше оружие! А всё-таки где же револьвер?

— Не знаю, о чём вы говорите!

— Обыскать! — коротко бросил ротмистр, и жандармы приступили к обыску. Они перевернули все вещи, но ничего не нашли.

— Ну, что ж, — сказал ротмистр. — Познакомимся с вашими муляжами. До скорого свидания!

Звякнув шпорами, он направился к выходу. За ним потянулись другие жандармы.

Теперь Фаня не сомневалась. Полный провал! Полиция обыщет муляжи и найдёт наган.

Весь день, всю ночь ждала она ареста. При каждом стуке, звонке, громком голосе Фаня вздрагивала: полиция! В таком состоянии она провела двое суток. На третьи, не выдержав, отправилась на службу. Переступив порог музея, она поспешила в выставочный зал. И увидела то, чего так боялась. Окрока на стенде не было. Вместо него висел рулет.

В зал вошла уборщица. Она заметила растерянное лицо художницы и тяжело вздохнула, — она почему-то всегда вздыхала:

— Забрали, забрали его, голубушка... увезли...

— Когда? Тётя Ньюша, когда его забрали?

— Точно не скажу, без меня случилось... Говорят, шуму было...

Фаня поднялась в мастерскую. Господин Замурзаев встретил её приветливо:

— Выздоровели? Отлично! Получен сложный заказ...

«Хитрит», — подумала Фаня. Она решила никого не спрашивать об окороке. Чего уж тут! Всё равно её сегодня арестуют.

Но день прошёл мирно — полиция не явилась. «Значит, возьмут ночью», — рассуждала Фаня, идя домой. — Аресты всегда бывают ночью...

В эту ночь она не уснула — ждала жандармов. Но полиция не пришла.

А потом прошло ещё много дней и ночей, и никто Фаню не трогал, хотя она часто замечала за собою «хвост». «Конечно, они нашли наган в муляже, — говорила сама себе Фаня. — Они держат меня на свободе, чтобы узнать, с кем я встречаюсь».

Но Фаня ошиблась. Всё кончилось неожиданно, совсем как в сказке.

Накануне рождества в мастерскую вошёл господин Замурзаев и торжественно провозгласил:

— Господа! Поздравьте мадемуазель Шмидт. Муляж окорока удостоен на Дрезденской выставке почётного диплома!

Фаня решила, что Замурзаев издевается. Сейчас распахнётся дверь и появится жандармский ротмистр.

— О чём вы говорите? — спросила она хмуро.

— Да о вашем муляже! Об «окороке»! Пришло известие. Он получил диплом на выставке в Дрездене!..

Осталось рассказать немного.

Оказывается, в день болезни Фани муляж окорока отправили за границу на специальную выставку. А полиция не знала об этом. Она искала наган в Петербурге, а он в это время был в Дрездене, в Германии.

Что же было дальше?

Выставка в Дрездене закрылась, экспонаты вернулись в Петербург, на своё старое место. Револьвер проделал длинное путешествие: из России в Германию, из Германии в Россию. И никто его не обнаружил. Кому же придёт в голову, что невинный муляж таит в себе такую «начинку»?

Когда пришло время, Фаня извлекла из «окорока» наган и переправила его куда надо. С тех пор она часто прятала в экспонатах оружие и партийные документы. И никто их ни разу не обнаружил.

Вот почему в Музее революции можно сегодня увидеть такой необычный экспонат — муляж окорока.

Я полагаю, вы со мной согласитесь, что испокон веков каникулы и игры — это два неотделимых понятия. Я считаю, что они так же неотделимы, как, скажем, деревья и лес, пляж и море или две соседние улицы: Подгорная и Загорная.

Вот как я в этом убедился.

Сейчас каникулы, следовательно, игры в большом почёте, и ребята этих двух соседних улиц не жалеют ни сил, ни фантазии. Ребята с Подгорной создали «войско». Войско во главе с маршалом, генералами, полковниками и майорами. Нужно заметить, что это войско в своём роде единственное в мире. В нём нет солдат. Ни одного просто солдата! Нет, я ошибся. Ещё одно такое войско есть. На Загорной улице.

Итак, в часы затишья, когда на поле битвы спокойно (а это так необходимо для сохранения стёкол окон окружающих поле домов, для банок с посолёнными огурцами на балконах, которые в первую очередь падают жертвами ожесточённых схваток), так вот в часы затишья личные составы обеих враждующих сторон связывает тесная

дружба. Они вместе ходят купаться в речке, вместе ходят на матчи, по-братски делят черешни и пряники, мирно обмениваются марками.

Однако во время военных операций оба войска становятся как два отталкивающихся полюса. Они даже перестают понимать друг друга, разговаривают на разных языках, и все переговоры ведутся только через переводчика.

Наблюдая за сражением со стороны, на известном расстоянии (это безопаснее, если носишь очки), я видел, как к командующему армии с Подгорной явился для переговоров представитель армии с Загорной. Немедленно был вызван переводчик.

— Приветствую вас, командующий, — громко, с достоинством произнёс прибывший.

— Что он сказал, что он сказал? — спрашивает переводчика командующий.

— Он сказал «Приветствую, вас командующий!», — тотчас перевёл сказанное переводчик.

— Добро пожаловать! Переведи ему!

— «Добро пожаловать», — вновь переводит на языке посланца противника переводчик.

— Благодарю, — важно произносит посланец.

— Что он сказал? Что он сказал? — спрашивает командующий.

— Он сказал «благодарю», — точно переводит переводчик.

— Ага! — произносит командующий.

И переводчик вежливо тотчас переводит:

— Командующий сказал «ага».

— Это я понял. На нашем языке «ага» тоже «ага».

— Что он говорит? — спрашивает командующий.

— Он говорит, что на их языке «ага» тоже «ага».

— Аа-а, — понимающе произносит командующий.

— Что означает «аа-а»? — спрашивает посланец переводчика.

— Товарищ командующий, он просит перевести, что означает «аа-а»?

— Я запрещаю перевод! — приказывает командующий. — Это наша тайна. Спроси его, что ему надо?

— Командующий спрашивает, что вы хотите?

— Я прибыл, чтобы сообщить вам, что вы не имеете права удить рыбу с берега речки со стороны нашей улицы.

— Ещё чего? — насмешливо говорит командующий. — Кто это нам запретит? Ой, забыл? Что он говорит?

— Он говорит, что мы не имеем права удить рыбу с берега речки на их стороне.

— Подумаешь, велика беда! С их берега даже ёрш никогда не клюнул, — говорит командующий.

— Неужели? Даже ёрш? — с возмущением спрашивает посланец.

— Даже чешуя ерша, — отвечает командующий.

— А вот я вчера поймал два окуня величиной с ладонь, — сердито утверждает посланец.

— А вот я не верю! — говорит командующий.

— Поспорим? На две Гватемалы? — предлагает посланец.

— На две Гватемалы и одну Коста-Рика, что ты ни шиша не наловил, — набивает цену командующий.

— А я с вами вообще больше не играю, — сердито перебивает их переводчик, — раз вы разговариваете без моей помощи. На кой чёрт я буду переводчиком?!

— Ты прав, — признаёт свою вину командующий. — Переведи мне, что он сказал.

— Он сказал что-то вроде «хорошо».

— Скажи ему, что совсем не хорошо. Пусть идёт и доложит своему командующему, что мы будем ловить рыбу, где мы захотим.

Переводчик перевёл в точности.

— Можете идти, — добавил коман-

дующий представителю армии противника.

Но посланец ни с места. Он упорно стоит, не обращая внимания на угрожающий взгляд «врага».

— Ну что же ты не уходишь? — кричит ему командующий.

— Я не понял, — отвечает посланец. — Жду, когда мне переведут.

Это событие произошло после полудня. А в восемнадцать ноль-ноль завязался ожесточённый бой, который закончился с неопределёнными результатами, так как ни одно из вражеских войск не соглашалось считать себя побеждённым. А ещё немного спустя оба войска сидели рядом на берегу реки с удочками в руках и ждали, когда на крючок попадётся хотя бы чешуйка ерша. Ещё бы! Решалась судьба двух Гватемал и одной Коста-Рики! Разумеется, в виде почтовых марок.

Перевод с румынского Ф. МИРЕНЕР

А. ШИБАЕВ

Ариф- метика БОГАЧА

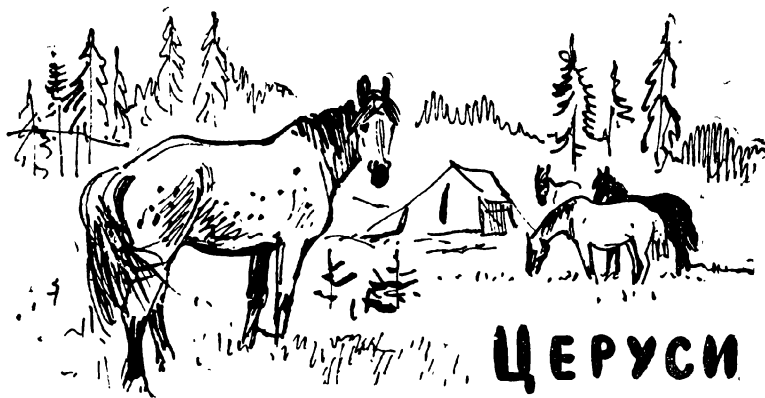
Богач
в арифметике
очень силен:
он ловко
прибавит
к миллиону
миллион.
А если
побольше старанья
приложит,
то эти свои миллионы
умножит.
Он может
отнять —
он и в этом
мастак.

вытряхивай
тощий карман свой,
бедняк!..
И только
деленье

ему
ни к чему:
делиться
ни с кем
неохота ему!..

Рис. Ю. Бочкарёва

Когда Витька начинал лениться, отказывался что-нибудь делать, а это случилось с ним довольно часто, отец говорил:

— Церуси тебе кланялась!

Витька уже знал, что Церуси звали одну лошадь, которая была в партии у геологов, но он не мог понять, почему она должна была ему кланяться.

— Что ты мне всё Церуси, Церуси! Лучше объясни, кто она такая? — наконец потребовал он.

Отец сел на диван:

— Помнишь, я тебе рассказывал, что два года назад мы работали на Вилуе в Якутии? Ну так вот, было у нас тогда шесть низкорослых, кудлатых якутских лошадок. Чуть побольше пони. Их привёл к нам из соседнего совхоза каюр-якут. Без лошадей, сам понимаешь, в тайге нашему брату очень туго. Спальные мешки, инструменты, продукты — всё это погрузишь бывало с обеих сторон вьючного седла,крепишь как следует ремнями — и готов наш четвероногий транспорт в далёкий маршрут. О характере наших помощников мы ничего не знали. Лошади как лошади, только поменьше ростом и гривка у большинства заплетена в мелкие косички. Каюр же был молчаливый, любил крепкий чай по многу раз в день пить, да ещё трубкой своей всё попыхивал. Стрелок был отличный. Белкам от него житья не было.

Одну лошадку я сразу же заметил среди других. Она была sereneкая, стройная. Глаза чёрные, косички длинные. Церуси звали. Прикрепили мы к ней Петра Афанасьевича, самого трудолюбивого и заботливого рабочего. Лучше других умел он беречь лошадь, следить, чтоб она, идя по узкой просеке, бока себе не поободрала, чтоб сыта была.

На ночь всех лошадей стреноживали. Повязав колокольчик на шею, оставляли пастись. В восемь — подъём и лошадей готовили в поход.

Так вот всего два дня поработала Церуси и вдруг рано утром исчезла.

Все лошади уже навьючены, а её — нет.

Пётр Афанасьевич из сил выбился бегать и звать её. Взял он тогда, помнится, мешок себе на плечи, часть груза на других сёдлах разместил и вслед за пятёркой лошадей побрёл в тайгу.

Каково же было наше удивление, когда, вернувшись в лагерь, мы увидели Церуси, преспокойно жующую траву недалеко от других соплеменниц. Только те пять, уставшие в дороге, жадно пережёвывали

пищу, редко подымая голову. А лентяйка Церуси, видимо, была сыта, потому что изредка нагибалась к траве. Ноги её со вчерашнего вечера оставались спутанными.

— Где же ты была, негодяйка? — спросил её Пётр Афанасьевич.

Церуси посмотрела на измученного хозяина своими чёрными глазами. В них не было ни вины, ни раскаяния. Не помню, что ещё говорил ей тогда рабочий. Только Церуси отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и повернулась в сторону.

Вечером Пётр Афанасьевич привязал Церуси на верёвку к колышку, вбитому в землю. Это было первое наказание. Когда же он через несколько дней забыл это сделать, утром снова не смог найти свою лошадь. На этот раз он обшарил буквально все кусты. Через некоторое время видим, как он ведет Церуси на поводу. Ругает её отчаянно.

— Представьте, — говорит, — эта хитрюга стоит в самой гуще кустарника и не шелохнётся. Слепни её едят, а она словно спит. Я окликнул — ухом даже не ведёт. Поддал ей хорошенько, только тогда моя «спящая красавица» ожила.

Уловка Церуси была разгадана. Однако она была далеко не единственной. Никто из лошадей не умел так искусно раздувать свой живот, когда их выючили, как это делала Церуси.

— А зачем ей это нужно было? — не вытерпел Витька.

— А затем, что выючное седло на спине после этого не держалось и груз съезжал на сторону. Кроме того, так было легче набить травой свой живот в пути. На этот счёт Церуси была великая мастерица.

А один раз история с животом кончилась и слезами и смехом. На Церуси никто верхом обычно не ездил. Не то чтоб она была крутого нрава, а просто не случалось. Однажды наша девушка-гидрогеолог оседлала Церуси. На пути была узенькая речушка. Церуси, не долго думая, прыгнула, а наша девушка неожиданно отделилась от лошади и вместе с седлом полетела в противоположную сторону.словно на ковре-самолёте. После уже мы поняли, отчего это произошло. Когда Церуси прыгала, она вытянулась, подобрала свой живот и выскочила из-под своего седла и сидящей в нём девушки. Не думаю, что это было сделано Церуси намеренно. Но девушка лежала, больно ударившись о землю, по одну сторону реки, а Церуси остановилась на другом берегу, повернула голову назад, словно спрашивая: «Ну что же ты там застряла, милая?»

Отличалась она и ночью.

Вдруг просыпаемся мы от страшного шума. Гремит посуда, звенят поварёшки, ведра. Вскакиваем со сна перепуганные.

Оказывается, наша Церуси решила ночью закусить и полезла шарить по ведрам, где оставались кислые щи, консервированный борщ, картошка.

В одном из ведер было блинное тесто, так она умудрилась и туда сунуть свой нос. Выпачкалась в тесте и после ещё долго фыркала недовольная. И колышки не помогали.

Однажды при лунном свете заснула Церуси морду не в ведро, а в палатку к рабочему. Её прельстила буханка чёрного хлеба, которая лежала на столе недалеко от входа. Рабочий проснулся, увидел в просвете чью-то морду, испугался, конечно, и закричал. Церуси тоже испугалась, шархнулась в сторону, задела головой палатку и та свалилась на перепуганного рабочего.

Да, хлебнули мы с ней горюшка.

— Ну и что же было дальше? — спросил Витька.

А дальше вот что было.

В конце августа начались заморозки. Вечная мерзлота стала пробираться до самого верха земли. Почву сковывало по утрам тонким слоем

льда, а красновато-жёлтая тайга посерела. Начали мы прикармливать лошадей сеном, которое заготовил каюр за лето.

И для них и для нас началось самое трудное время. Работу надо было заканчивать как можно быстрее. Ведь якутская осень очень коротка. Со дня на день мог выпасть снег.

Церуси, всегда беспечная, тут вдруг загрустила, задумалась... И задумала, видно, недоброе дело.

До конца нашего полевого сезона оставалось не больше двух недель, как Церуси исчезла. На этот раз окончательно. Её нигде не смогли найти, сколько ни искали. Потом уж нам стало известно, что она убежала в свой совхоз. Убежала ночью, со спутанными ногами.

— А далеко был совхоз? — спросил Витька.

— Километров за двести.

— Ничего себе! — в голосе Витьки послышалось уважение к этому, видимо, нелёгкому побегу. — Ну и сильна была!

— В том-то и дело, что была сильна. Но лентяйка от природы да ещё молода и необузданна. Другие лошади, видимо, не случайно от неё в стороне держались. Так-то и у людей случается. Дрогнет, не выдержит кто-нибудь в походе, повернёт назад. И готов даже на животе ползти, лишь бы добраться в город, где тепло и удобства.

— А мне кажется, что Церуси просто была свободолюбивее других лошадей, — сказал Витька, и ему даже понравилось, как у него складно и звонко это получилось.

— А ты, когда убегаешь с урока, тоже, значит, проявляешь своё свободолюбие? — спросил отец.

— Ну, я другое дело, я бы не убежал, как Церуси, — насупился Витька.

Рис. Ю. Шабанова

В. ФЕТИСОВ

В саду

Тут весной,
под свист и пенье,
было буйное цветенье.
Было шумно —
и текло.
Было тихо —
и пекло.
А теперь тут
выше крыши
покачаться
вишни вышли.
Дождь смородину сечёт —
по листьям ситро течёт.
Намывают облака
яблок алые бока.
Сладкий пар стоит
над грядкой
с земляникой
самой сладкой.
Мы для всех её растим,
заходите — угостим!

Я вернулся из лагеря

Жил я в лагере,
с отрядом,
возле речки,
с лесом рядом.
Все,
встречая на вокзале,
поначалу не узнали.
Только мамочка — в очках —
закричала: — Во-во-чка!... —
Папе крикнула: — Взгляни,
как он изменился!
— Не узнали, извини! —
папа извинился.
— Ух ты! — дедушка сказал. —
До чего ж он складный! —
А щенок меня лизал:
думал — шоколадный!

Рис. Г. Ясинского

ПОДСНЕЖНИКИ

Ошеломлённый непривычными словами брата и его совсем уж непривычным поцелуем, Карпуха сказал:

— А я-то тут при чём?.. Чего это было-то, а? Федька!

Оба посмотрели вверх — на железную дорогу. Они лежали под откосом в глубоком снегу, а красный фонарь хвостового вагона уже слился со станционными огнями Ораниенбаума.

— Пьяные, что ли, столкнули? — снова спросил Карпуха, вспомнив голоса, доносившиеся из тамбура.

Но Федька знал: пьяные не виноваты.

Рисунки В. Бескаравайного

— Это, Карпыш, она. Я бурку её заметил. Жёлтую. Она — ногой... Вперёд тебя, потом меня...

Карпуха был поражён. Он не мог сказать ни слова. Онемел парень. Даже тогда, когда они выбрались наверх и побежали по шпалам к станции, он всё молчал. Не хотелось ему верить, что это тётя Ксюша столкнула их с поезда. Не смел он поверить в это.

А Федька часто оглядывался и торопил брата. Он боялся, что дядя Вася уедет. Увидит, что в поезде их нет, и уедет.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4 за 1968 г.

Минут десять бежали братья. Показалась знакомая платформа.

— Они! — услышал Федька радостный возглас Самогора.

ТРЕТИЙ СЫН

Машина неслась по просёлку с такой скоростью, что разговаривать было невозможно. Трясло и подбрасывало — только держись. Крутогоров торопился, требовательно поглядывал на водителя и повторял:

— Жми! Жми!

Федька с Карпухой сидели сзади, закутанные для тепла в брезент. Самогор придерживал мальчишек, облапив их правой рукой, и подмигивал, когда машину подкидывало на ухабах. Братья отдыхали. Приключений за этот день было столько, что они отупели и ничему не удивлялись. Поесть бы и спать!

Перед выездом из леса водитель потушил фары. Внизу была деревня.

— Стой! — скомандовал Крутогоров. — Дальше — пешком. Машину убери с дороги.

Долетел отдалённый гудок.

— Успели! — произнёс Самогор.

Мальчишки догадались, что это прогудел паровоз, подъезжая к их полустанку. Значит, поезд, с которого их толкнули, только что добрался до остановки.

В темноте торопливо спустились к дому Дороховых. Под обычное воронье карканье вошли во двор и на крыльце увидели мать. Мальчишки

сжались, ожидая неминуемой грозы. Но Крутогоров опередил её:

— Меня ругай, Варвара Тимофеевна! Я виноват... А ещё больше — твой постоялец! Уж я ему!..

Посмотрев на сыновей и удостоверившись, что они целы, мать как-то сникла и потёрла ладонями виски.

Отец встретил их у двери. Федька заметил, как блеснули радостью его глаза, а рука замахнулась для отцовского подзатыльника. Но Самогор успел подставить локоть.

— Бу-удет!.. Парни и так натерпелись... Радуйтесь, что живы! Они же чуть...

— Потом! — прервал его Крутогоров и повысил голос:— Зуйко!

— Есть! — ответил с чердака басок матроса, и на лестнице загремели его ботинки.

Видно было, что он только-только пришёл домой. Даже переодеться не успел, — стоял перед Крутогоровым навывтяжку, в мокрых ботинках, в брюках, плотно облепивших ноги до самых колен.

— Где он? — спросил Крутогоров.

— Дома. Минут десять как

вернулся... Погулял я с ним сегодня!

— Он тебя за нос водил! — раздражённо сказал Крутогоров и добавил: — Будем брать!

Василий Васильевич вышел в сени. Самогор шагнул за ним. Зуйко хмуро спросил у мальчишек:

— Где были, мазурики?.. Мать извелась совсем!

Не дождавшись ответа, Зуйко тоже скрылся в сенях.

На улице темно. Чуть отошёл от освещённых окон — и пропал. Лишь приглядевшись, притерпевшись к темноте, можно было увидеть три фигуры, приблизившиеся к флигелю. Василий Васильевич потянул за ручку. Дверь открылась.

— Ты, Ксюша? — послышалось из флигеля.

Крутогоров не ответил, переступил через порог. Самогор — за ним. Зуйко остался у крыльца.

— Сидеть! — донеслось до него и сразу же потише: — А ты не бойся, сынок! Лежи!

После этого во флигеле всё стихло. Спокойно светили окна, отбрасывая на снег белые полосы. Зуйко стоял у сарая и прислушивался. У него замёрзли ноги. Потопать бы, да нельзя — снег скрипучий. Чуть двинул ногой — далеко слышно. Чувствовал себя Зуйко очень неуютно. И не только потому, что мёрзли ноги и брюки на морозе превратились в железные негибкие трубы. Матрос заметил, что Крутогоров недоволен им, а почему — не знал, не успел узнать. Василий

Васильевич, ничего не объяснив, приказал ждать у крыльца жену Семёна Егоровича. Если она вздумает бежать, Зуйко должен задержать её. И всё! А что там произошло, что случилось, пока он где бегом, а где ползком гонялся за Семёном Егоровичем, — неизвестно. Но что-то произошло, и, видимо, не без участия мальчишек.

«Мазурики!» — про себя ругнулся Зуйко и застыл, услышав скрип снега. Женщина пробежала мимо сарая. Дробно простучали её бурки по ступеням крыльца. Она открыла первую дверь, вторую, попятилась и наткнулась на подоспевшего Зуйко.

— Спокойно, гражданочка!

Он крепко взяв её сзади за локти и почти внёс в дом.

Семён Егорович, Крутогоров и Самогор сидели за столом.

— Семён! Что это за люди? — очень искренне воскликнула женщина. — Они же Гришеньку испугают!

Она подбежала к кровати. Гриша отодвинулся от неё и с головой закутался в одеяло.

— Хватит играть, — сказал Крутогоров. — Одного — ласкали, другого — не дадим... Зуйко, отнеси его пока к Дороховым. Переоденься. А мы тут потолкуем малость.

У Дороховых тоже шёл допрос. Мальчишки ничего не скрывали. Слушая их, мать то ахала, то ругалась, то грозилась. А отец покрывал и повторял на разные лады:

— Вот соседка — так соседка!.. Ну и соседка!.. Это — соседка!

Им не всё ещё было ясно, но и того, что они узнали от сыновей, было вполне достаточно, чтобы понять, как страшно они ошиблись, принимая соседку за добрую, отзывчивую женщину. Мать и сейчас ещё не до конца верила ребятам: не наплели ли они всё это со страху? Но у Карпухи чернела на щеке замазанная йодом царапина и на затылке назрела порядочная шишка. У Федьки болела шея и плохо поворачивалась голова. И всё-таки мать думала, что скорей всего не соседка, а пьяные столкнули ребят с поезда.

— Она! Она! — сердился Федька. — И дядя Вася сразу поверил!

— Гидра! — подтвердил Карпуха.

В это время Зуйко внёс в комнату завернутого в одеяло Гришу. Мальчишки вскочили. Мать всплеснула руками:

— Умер?

— Жив! — сказал Зуйко. — Василий Васильевич просил приютить на время. Куда положить?

Мать шагнула к кровати, взялась за одеяло, чтобы откинуть его, но смысл всего происходящего дошёл до её сознания. Она повернулась к матросу с искажённым от негодования лицом, спросила с придыханием:

— Это как же?.. Она моих детей погубить хотела, а я должна...

— Варвара! — Отец даже

пристукнул кулаком по столу. — Он не виноват!

— И болен к тому же! — крикнул Федька.

— Болен он! — подхватил Карпуха.

Все услышали тихое всхлипывание. Гриша шевельнулся на руках у Зуйко, повернул заплаканное лицо к Дороховым, с тоской и отчаяньем посмотрел на них.

Мать откинула одеяло на кровати:

— Клади.

Зуйко уложил Гришу, присел к столу.

— Вот что я вам скажу... Не мать она ему, а Егоров — не отец. И вообще считайте, что нету у вас соседей. Один парнишка остался. Выгоните — в детдом отправим. Оставьте — третьим сыном будет у вас... Вот так!

И матрос ушёл, забыв переодеться...

Всю ночь не спали в двух крайних домах деревни. Дороховы слушали сбивчивый рассказ Гриши про его жизнь, а во флигеле матросы провели обыск и начали следствие.

Под утро к Дороховым зашёл Крутогоров. Он попросил никому не рассказывать об аресте и предложил на все вопросы отвечать приблизительно так: мол, соседи очень переживали смерть Яши и решили уехать, чтобы подыскать другое жильё. Гришу они временно оставили у Дороховых.

— Кто же они на самом деле? — спросила мать.

— Мы вас тогда вместо них

потревожили! — улыбнулся Василий Васильевич.

Больше он ничего не добавил, и Дороховы только со слов Гриши могли представить, что это были за люди.

Весной семнадцатого года отец Гриши, врач по профессии, вернулся в Петроград из Средней Азии. Боролся он там с какой-то эпидемией. Привёз с собой разные склянки с мутной жидкостью. Сказал — для опытов и строго-настрого предупредил жену и сыновей не дотрагиваться до них. Никто и не дотрагивался. Он сам по вечерам возился со своими склянками. А однажды утром отец не встал. Подскочила температура. Он не узнавал ни жену, ни сыновей. Мать вызвала врача, а к полудню того же дня свалилась и она.

Умерли они в Боткинских бараках. Квартиру и все вещи облили каким-то вонючим составом. Дверь заколотили, чтобы зараза не могла распространиться дальше. Время было трудное. Никто не подумал о мальчишках, а соседи боялись даже встречаться с ними. Каждый оберегал себя от страшной болезни. И очутились Гриша с Яшей на улице.

Раньше их семья ни в чём не нуждалась. Мальчишек баловали, и они оказались совсем неприспособленными к бездомной беспризорной жизни: ни воровать, ни выпрашивать, ни отнимать, ни зарабатывать не умели. Ослабевшие от голода, два дня бродили по пустынным дорожкам Елагина острова, где ещё недавно беззаботно

гуляли с мамой. Ночевали в сторожке у Стрелки и там бы умерли, наверно, если бы не столкнулся с ними садовник Самсонов.

Он нашёл их ночью в той самой фанерной будке-сторожке, которая служила им домом. Яша тогда упал с узкой скамейки. А будка была гулкая, как пустой бочонок. Загремело по всему парку. И почти сразу же с треском распахнулась фанерная дверь. В бледном свете белой ночи фигура незнакомого человека показалась огромной и страшной. Это и был Самсонов.

Неделю отъедались и отлёживались братья в уютном домике недалеко от Елагина дворца. Приходили какие-то люди, удивлялись доброте Самсоновых, разглядывали мальчишек, говорили, что им повезло, что они теперь всю жизнь должны быть благодарны. Мальчишки и без этих нравучений всё понимали.

Когда они совсем поправились, Самсонов потребовал, чтобы они всегда называли его папой, а жену — мамой. И ещё он сказал, что ему нужны бойкие парни, которые не пропадут и одни. Для этого он ввёл жёсткий распорядок дня. Позавтракав, мальчишки выходили на улицу и до обеда не должны были появляться дома. То же самое и после обеда — до ужина.

Так началась их новая жизнь. Самсонов и его жена относились к ребятам заботливо. Они всегда были сыты, одеты и обуты лучше, чем

большинство питерских мальчишек и девчонок в те годы. Братьев наказывали, но за дело — только тогда, когда они нарушали условия, о которых договорились с самого начала. Как-то в разговоре с братом Яша назвал Самсонова дядей. Яшу выдрали ремнём. В другой раз у Гриши оторвалась подмётка и он вернулся домой до обеда. Выдрали и его. Не за подмётку — за то, что пришёл раньше срока. С тех пор они долго не нарушали установленных Самсоновым правил.

Петроград переживал горячее и тяжёлое время, а на Елагином острове царило какое-то безвременье. Будто не было ни революции, ни Керенского, ни Юденича. Сюда редко заглядывали питерцы. Гулять было некогда, а больше на этом острове делать нечего. Летом зелёный, зимой снежно-белый, он стоял на отлёте от города и жил своей тихой, замкнутой жизнью.

Переезд был для ребят полной неожиданностью. Собрались в один вечер. Упаковали только самое необходимое. На двух извозчиках приехали по тёмным улицам на Московский вокзал, выгрузились, а через полчаса наняли других извозчиков и переехали на Балтийский. Ночевали уже на новом месте — в двухэтажном флигеле на берегу залива.

На другой день Самсонов объяснил мальчишкам, что его хотели забрать в армию, а он — садовник. Ему легче убить самого себя, чем стре-

лять в людей. Фамилия теперь у них другая — не Самсоновы, а Егоровы. В остальном всё будет по-прежнему, если, конечно, ребята не подведут его. Ну, а подведут, проболтаются — им же будет хуже. Второй раз чуда не произойдёт. Никто их больше не приютит и не пригреет.

Самсонов отрастил бородку, влез в матросскую одежду и перестал хромать. Для этого он целый день возился с новыми хромовыми сапогами: срезал один каблук, а второй наоборot нарастил.

Для ребят ничего не изменилось. Они всё так же с утра до вечера были предоставлены самим себе. Ни с кем из деревенских мальчишек они не дружили. Дружба обязывает. Начнутся всякие расспросы и придётся отвечать. Легко сболтнуть что-нибудь лишнее. Лучше держаться подальше от всех. Они и с Дороховыми сблизилась только потому, что взрослые сдружились.

Вспоминая умерших родителей, братья чувствовали, что сейчас они живут как-то странно, не как все. Что-то было фальшивым, ненастоящим. И пожаловаться не на что, и в то же время тоскливо — хоть плачь. И Яша часто плакал, когда они вдвоём забирались на камень и часами глядели на залив. Яша не понимал, что угнетало его. А Гриша знал, но боялся. Особенно после того случая, когда брата избил толстой верёвкой.

Получилось это вот как. Мальчишки были уверены, что

никого дома нет. А погода испортилась: пошёл дождь со снегом. Яша решил сбежать домой за галошами, а вернулся чуть живой. Плакать даже не мог — сил не было. Оказывается, в доме принимали гостя — высокого статного матроса. Самсонов пришёл в ярость и зверски избил Яшу.

Через несколько дней мальчишки нашли утопленника. Яша побежал домой — сообщить о страшной находке. Что было дальше, Гриша не знал, но не верилось ему, что Яша сам упал с лестницы.

После смерти брата в голове Гриши всё перемешалось. Горе и страх — больше он ничего не чувствовал. Ему хотелось умереть. Заснуть и умереть. И он засыпал, а проснувшись, видел всё тех же людей, которых теперь ненавидел и боялся. Их арест был для него избавлением от страха.

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Прошла неделя. Крутогоров по несколько часов в день беседовал с Самсоновыми то порознь, то вместе — с мужем и женой. Он именно беседовал, а не допрашивал, потому что чувствовал в них людей сильных, волевых, заранее всё продумавших на случай провала. Таких с ходу не возьмёшь. «Крепкие орешки!» — определил он и не столько расспрашивал, сколько сам рассказывал, предупредив, чтобы они поправили его, если он ошибётся в чём-нибудь.

Крутогоров начал с того, что ещё там, во флигеле, предъ-

явил им семейную фотографию и назвал каждого настоящим именем. Самсоновы не спорили и подтвердили, что это действительно они. Василий Васильевич, используя полученные из Петрограда сведения, обрисовал им последние годы их жизни.

Он признался, что пока не знает, почему Самсоновы не влюбились Советскую власть и решили бороться с нею любыми средствами. Он знает лишь то, что им доверили очень маленькую роль — обслуживать «почтовый ящик». Какие-то люди летом в лодке, зимой по льду пересекали в Финском за-

ливье границу, добирались до Елагина острова, оставляли тайную корреспонденцию и давали адреса, куда её следовало переправить.

— Ничего подобного! — спокойно возразил Самсонов. — Это ваша выдумка.

Но Крутогоров продолжал говорить:

— Потом вас что-то испугало и вы затеяли хитрую игру, — усыновили осиротевших мальчишек. Расчёт был верный: кто вздумает взять на подозрение таких прекрасных людей. Эта ширма прослужила вам два года.

Самсонов с горьким сожалением воскликнул:

— Если бы мы были такие умные да хитрые!.. Мы просто чуткие. Ребята стали для нас родными сыновьями.

— Это верно, — согласился Крутогоров. — Чуткие! Вы почувствовали, что вами всё-таки заинтересовались, и с такой поспешностью покинули свой уютный домик, что чекисты потеряли вас... Интересно, что вас насторожило?

— Следы, — ответил Самсонов. — Я — садовник, Я каждую травинку на островезнаю. А ваши люди дорогу протоптали вокруг дома.

— Невинных это бы не испугало, — заметил Крутогоров.

— А виновных забрали бы сразу, — парировал Самсонов.

— Мы проверяли.

— А мы не вынесли этой проверки. Уверяю вас, вы поступили бы так же, если бы у вашей квартиры установили круглосуточное дежурство... Нужны железные нервы, чтобы выдержать шуточки Чека.

— Нервы у вас были в порядке, — усмехнулся Крутогоров. — Они потом вас подвели... Собственно — не вас. У вас они и сейчас в кулаке. Вашу жену подвели... Незачем было сбрасывать мальчишек с поезда.

Женщина удивлённо и оскорблённо взглянула на Крутогорова:

— Какая чепуха!

— Мы ещё вернёмся к этому факту, — пообещал Василий Васильевич и продолжал

рассказ о жизни Самсоновых на новом месте.

Он говорил, точно речь шла не о сидевших перед ним людях, а о другой семье. Крутогоров рассчитывал этим приёмом сломить их сопротивление. Самсоновы как бы со стороны могли взглянуть на свои поступки. Так легче понять, что запыраться бессмысленно.

— Переехать-то переехали, — говорил Крутогоров, — но со старым не покончили — оставили на острове новый адресок. И гость пожаловал. А тут Яша не вовремя домой явился... Бедный парень!.. От Самсоновых гость отправился в Кронштадт, а на обратном пути наскочил на морской патруль. Вот здесь Самсонов и переиграл — стал помогать матросам вытягивать на берег баркас. — Крутогоров посмотрел Самсонову в глаза. — Опустили вас тогда!

— Возможно, — отозвался Самсонов.

— А потом мы просчитались, — вздохнул Крутогоров. — Проворонили парня. Узнал Яша в утопленнике того самого гостя, из-за которого избили его верёвкой... Не думали мы, что вы на убийство Яши пойдёте.

Жена Самсонова заплакала:

— Я больше не могу! Это ужасно!.. Это — гнусно! Как вам не стыдно? Вы грубый, нечуткий человек!

— Опять вы о чуткости!.. Я бы назвал это чутьём. Оно снова подсказало вам, что на движается опасность. И тогда

Самсонов послал свою жену на Елагин остров.

— Зачем? — спросил Самсонов.

— На острове есть тайничок, — ответил Крутогоров. — Там можно оставить записку, чтобы новые гости пока не приходили в двухэтажный флигелёк. Опасно! Ждите! Скоро переберёмся на новое место...

— Хорошо выдумано! — похвалил Самсонов. — Но в жизни всё гораздо проще. Моя жена родилась в том домике. Знаете, как тянет навестить родные места?

— Знаю! — согласился Крутогоров. — Воспоминания детства... Невольно расчувствуешься, добрей станешь... Едешь обратно растроганный и так, между прочим, скидываешь мальчишек с подножки вагона. На полном ходу!.. От избытка нежности!

— Не было! Не было этого! — истерически крикнула женщина.

— Вы непоследовательны, — сказал Самсонов. — То приписываете нам бог весть какую хитрость и проницательность, то обвиняете в бессмысленной и опасной жестокости.

— Я же говорил — нервы подвели, — ответил Крутогоров. — Мальчишки ничего нового не узнали. Но ей они показались самыми опасными свидетелями.

Наступило долгое молчание. Самсонов устало смотрел в окно. Его жена вытирала платком слёзы.

— Не знаю, как вас убе-

дить, — произнёс наконец Самсонов. — Судите, если считаете себя вправе. Хотя прав много не надо, если есть сила и власть.

Этими словами заканчивался каждый разговор. Но не этого добивался Крутогоров. Самое главное — узнать, кто пользовался их «почтовым ящиком», а это-то как раз и не удавалось. Даже неизвестно было, как проходила передача тайной корреспонденции. После бегства Самсоновых дом на Елагином острове прощупали до последнего шипа в рамах. Так же тщательно обследовали и флигель у залива. Но обыск ничего не дал, как и то наблюдение, которое велось за Самсоновым и на острове, и здесь, под Ораниенбаумом. Не опознали и человека в матросской одежде, выброшенного морем недалеко от дома Дороховых.

Крутогорову несколько раз звонили из Петрограда, торопили со следствием. Этому делу придавали большое значение. Свои люди из-за границы снова и снова подтверждали, что до последнего времени «почтовый ящик» на Елагином острове служил одним из каналов, по которому зарубежные антисоветские круги поддерживали связь с внутренней контрреволюцией. Те же люди сообщали о непроверенных и ничем пока не подтверждённых слухах о новом заговоре, о предстоящем восстании чуть ли не в самом Петрограде. Эти слухи усиленно распространялись и раздувались эмигран-

тами. Они, конечно, могли оказаться вымыслом. В те годы заграничные газеты и журналы часто печатали подобные небылицы. Но иногда за слухами стояли и факты.

Вот почему Крутогоров лично занимался Самсоновыми. Но следствие не продвигалось ни на шаг. Оба, муж и жена,—упрямо отстаивали свои прежние показания. Они не путались, не сбивались—говорили одно и то же. И всё у них получалось довольно стройно, на все вопросы следовал правдоподобный ответ.

Взять хотя бы последний день перед арестом. Жена от-

правилась на Елагин остров, а Самсонов, чтобы отвлечь от неё внимание, попросил у Дороховых лошадей и целый день ездил по окрестным деревням и посёлкам, расспрашивал, не продаётся ли где-нибудь дом. Он отлично понимал, что если за ними следят, то в первую очередь пойдут за ним, а не за женой.

Так представлялось это Крутогорову, а Самсонов объяснял по-другому. Ему незачем было отвлекать внимание от жены. Ничего плохого она не делала—поехала, чтобы хоть издали взглянуть на родной домик. А он действительно по-

дыскивал какую-нибудь избёнку, потому что двухэтажный флигель опостылел им после несчастья с Яшей.

Любой свой шаг они оправдывали так, что не придерёшься.

По вечерам, отправив Самсоновых в камеру, Крутогоров читал и перечитывал бесполезные страницы допроса и чаще обычного произносил своё «Дела-а!» Заходил матрос Зуйко, сочувственно поглядывал на своего начальника и невесело вторил ему:

— Дел-а-а! Василий Васильевич!.. Ясно-дело, дела-а!

— Ты что, дразнишь меня?

— Как это дразню? — обижался Зуйко. Он и не замечал, как вылетало у него любимое словечко.

— А вот так! — сердился Крутогоров. — У тебя дела, у меня дела, а делов-то на самом деле и нет!.. Эти Самсоновы скоро переубедят меня, и отпущу я их на все четыре стороны!

Зуйко видел, что это горькая шутка. Отпустит! А покушение на мальчишек Дороховых? А Яшка? Врач установил, что сначала его стукнули чем-то тяжёлым по голове, а потом уж он упал с лестницы.

Гриша навсегда поселился в семье Дороховых и стал для них родным. Он быстро поправился. Ничто больше не напоминало ему о страшном прошлом.

Однажды пришёл Крутогоров и упросил родителей разрешить ребятам съездить с ним в Петроград. Они добрались

до Елагина острова. Здесь Крутогоров приказал Грише рассказать всё-всё, что он помнил о том времени, когда вместе с братом жил на острове у Самсоновых-Егоровых.

По этим отрывочным воспоминаниям, которые казались мальчишкам пустыми, ничего не значившими, чекист сумел догадаться, где находится тайник.

Это был бакен. Летом он плавал в заливе, а зимой лежал на берегу под навесом. В бакене Крутогоров нашёл записку, написанную женой Самсонова: «Воздержитесь временно. Ищем новое место. А. Г. убит. Случайно ли?»

Крутогоров вернулся в Ораниенбаум, вызвал к себе жену Самсонова, положил перед ней лист чистой бумаги и перо.

— Пишите.

— Что?

— Я вам скажу.

Женщина взяла перо.

— Воздержитесь временно, — начал диктовать Крутогоров. — Точка. Ищем новое место точка... А — точка, Г — точка, убит...

Перо бессильно уткнулось в бумагу и остановилось. Женщина заплакала. На этот раз искренне.

В тот же вечер Самсоновы начали давать показания. Но они мало знали. Их роль была второстепенной. Самсонов принимал из тайника зашифрованное послание, которое он прочитать не мог, а жена отвозила письмо по заранее известному адресу. Это был полуразрушенный нежилой дом за

Невской заставой. Письмо за-
совывалось за ветхую обивку
двери одной из покинутых
квартир первого этажа.

Когда Самсоновы переезжа-
ли с Елагина острова, они
оставили в тайнике свой новый
адрес. Через несколько меся-
цев к ним явился человек в ма-
тросской одежде, назвался
Александром Гавриловичем и
сказал, что теперь их работа
будет заключаться в другом.
А в чём — не объяснил. Оче-
щал ещё раз зайти и тогда до-
говориться обо всём. Но вто-
рой встречи не произошло.

Почувствовав опасность,
Самсоновы решили ещё раз
переехать на новое место.
Жена отвезла записку на Ела-
гин остров.

— Значит, вы утверждаете,
— спросил Крутогоров, —
что только один раз имели
личную встречу? С Алексан-
дром Гавриловичем?

— Была ещё одна, — отве-
тил Самсонов. — С другим...

— С кем и когда?

— Когда всё начиналось.

Мы договорились с ним о ба-
кене и о доме за заставой. Но
вам того человека не до-
стать — он за границей.

— А кто же платил вам за
ваши услуги и чем: хлебом, са-
харом или валютой?

Лицо у Самсонова посерело,
и он, впервые потеряв самооб-
ладание, крикнул:

— А чем платили вам, ко-
гда вы готовили семнадцатый
год? Кто расплачивался с ва-
ми?.. Придёт и наш год!

— Не думаю, — сказал
Крутогоров.

Утром Самсоновых перевез-
ли в Петроград.

Снова следствие зашло в ту-
пик, и тогда Крутогоров пред-
ложил перехитрить врагов.
План одобрили. На Елагин
остров отправился сотрудник
ЧК с запиской: «Перебрались
в соседний дом с берёзой. А. Г.
случайно застрелен патрулём.
Ждем указаний».

А Крутогоров поехал к До-
роховым. Ему предстоял труд-
ный разговор. Знал он зара-
нее, что Степан Дорохов, вы-

слушав просьбу, долго будет молчать, мальчишки — те замрут от счастья, а Варвара Тимофеевна так ответит Крутогорову, что хоть из дома уходи. Придётся её упрашивать и уламывать, доказывать ей и растолковывать. Только потом она смилостивится.

Знал Крутогоров и другое. Он ехал к Дороховым с очень опасным заданием. Таким опасным, что малейший просчёт — и вся семья могла погибнуть. Но другого выхода нет. Дороховы должны были на время стать Самсоновыми. Их дом превратится в ловушку для врагов. Успех зависел от выдержки каждого, включая и мальчишек.

СКУЧНОЕ ДЕЛО

В первые дни после долгого — чуть не на всю ночь — разговора с Крутогоровым старшие Дороховы чувствовали себя не в своей тарелке. Зато мальчишки, особенно Федька и Карпуха, были в восторге. Тайком от отца и матери они установили три дежурных поста. Гришу хотели послать во флигель, Карпуху — на чердак, к окну, у которого раньше сидел матрос Зуйко, а Федька взялся за самое трудное — дежурить в лесу у дорожки, ведущей к полустанку. Но Гриша упросил Карпуху поменяться местами. Страшно ему было одному сидеть в том флигеле.

Федька, руководивший операцией, разрешил этот обмен, и мальчишки разошлись по своим местам.

В нетопленном флигеле холодно, но хоть ветра нет, а Федька был на холме. Ветер так и свистел, сбрасывая с сучьев слежавшийся снег. По дорожке никто не проходил ни к полустанку, ни к деревне. Один Федька отсчитывал шаги между двух корявых берёз, стоявших на противоположных склонах холма. Сорок семь шагов туда и столько же обратно. Он бы скоро замёрз, но его подогревала уверенность, что его пост — самый выгодный. Если враг придёт, то

только по этой дорожке. Не пешком же он притопаёт из Питера! Наверняка приедет поездом. Тут Федька его и встретит!

А Карпуха надеялся, что именно он первый увидит врага. Со второго этажа флигеля видно в любую сторону. Карпуха подходил к каждому окну по очереди. У окна на залив он стоял дольше, чем у других. Лёд ровный, как стол. И конца ему не видно. Чернеет Кронштадт. Тёмными букашками ползут по льду люди. Просторно и бело. Легко смотреть вдаль.

«Санки бы или лыжи!» — мечтательно подумал Карпуха и рассердился на себя. Он — на посту, а думает о всякой чепухе! Карпуха отвернулся от залива и снова закурился по

комнате, переходя от окна к окну.

Ноги легко заставить идти в любую сторону, а с мыслями труднее. Не очень-то они подчиняются. Что-нибудь влезет в голову и застрянет. Так получилось и у Карпухи. Ни с того ни с сего вспомнил он, что Гриша побоялся дежурить во флигеле. Сначала Карпуха почувствовал прилив гордости: он меньше Гришки, а ничего не боится! Но это только сначала, а потом он и сам оробел без всякой причины. Он хотел отогнать от себя страшные мысли, а они не уходили. Вспомнился и Яша, и крест на его могиле, и утопленник.

Карпуха почему-то взглянул на тёмный люк, ведущий вниз. Скрипнуло, что ли, на первом этаже? А ведь флигель-то все эти дни стоял пустой и дверь на ключ не закрывалась. Что, если кто-нибудь уже забрался сюда и спрятался? Притаился внизу и ждёт, когда Карпуха начнёт спускаться!..

Мальчишка отошёл к самому дальнему от люка окну и замер. Он хотел заставить себя смотреть на улицу, а глаза не слушались — поворачивались к квадрату, темневшему в полу. Там, внизу, что-то происходило: похрустывало, шелестело, сопело, и незнакомый замерзший голос позвал:

— Карпуш!

Карпуха не ответил. Он узнал Федьку только со второго раза, когда тот крикнул уже сердито:

— Ты здесь, Карпуш?

— Тут! — сказал он и стал

спускаться медленно-медленно, чтобы успеть прийти в себя.

Федька стоял у лестницы и дул в ладони, отогревая заколеченные пальцы.

— Что так скоро? — недовольно спросил Карпуха, а сам был рад-радешенек, что кончилось это дежурство.

— Вот так скоро! — возмущился Федька. — Чаща три прошло!.. Тебе хорошо в тепле, а ты бы на морозе поплясал!

— Давай поменяемся! — с готовностью предложил Карпуха.

— Незачем. Сегодня не придёт.

— Почему?

— Знаю! — отрезал Федька. — Не придёт!..

Мать давно уже искала их. Гриша, которого она нашла на чердаке, сказал, что не знает, где остальные. Ему пришлось одному и воды натаскать, и за хворостом сбежать.

Не очень больно дёргая Федьку и Карпуху за уши, мать приговаривала:

— Он работать за вас должен, да?.. Он батрак, да?..

Мальчишки, надутые, злые, разбрелись по углам. Вышло так, точно Гриша в чём-то виноват. Он чувствовал себя неловко и, чтобы сгладить эту неловкость, подошёл к Федьке.

— Федь! Давай кормушку делать?

Федька посопел сердито, покашлял зачем-то и позвал:

— Карпыш!

Карпуха, прижав обе руки к ничуть не болевшему уху, рас-

слабленно пришлёпал из другого угла.

— Давайте кормушку делать? — повторил Гриша.

— Для Купри? — оживился Карпуха. — Давайте! А ты умеешь?

— А чего уметь-то? — сказал Федька. — Доска, а вокруг бортики, чтоб еда не падала...

Кормушку мастерили на чердаке. Получился ящик с невысокими бортами. Его приколотили к наружной стене за окном. За хлебом послали к матери Гришу.

— Ну что? Ничего? — спросил Федька, когда Гриша вернулся с подгоревшей коркой.

— Ничего. Дала.

Корку раскрошили, крошки высыпали в ящик и долго ждали у окна. Но ни Купря, ни другие вороны не торопились прилетать.

— Сыты, что ли? — удивился Федька и вспомнил очереди у пустых хлебных лавок в Петрограде. — А люди стоят... На морозе!.. Им бы так давали... Ешьте, пожалуйста! Да ещё бы и раскрошили, чтобы не жевать...

— Никогда так не будет! — сказал Карпуха.

— Папа говорил, что будет!.. — Гриша вздохнул. — Он потому и врачом стал. Говорит, любой человек может делать больше, чем ему самому надо. Он на троих или даже на пятерых сделать может. Папа, как кого-нибудь вылечит, так и говорит: сегодня я хлеб свой оправдал. Умер бы

человек, а теперь он и на себя, и на меня поработает.

А вороны всё не летели к кормушке. Только на следующее утро исчезли крошки. Мальчишки насыпали новую порцию и опять посидели у окна.

Карпуха спросил:

— Дежурить пойдем?.. Хочешь, я в лесу постою?

Но Федька не торопился с дежурством. Его тоже не очень тянуло на свой пост. Тоскливо одному и холодно.

— Сегодня вместе будем! — объявил он. — Втроём даже лучше. Шесть глаз — никто не проскочит!

В тот день мальчишки вертелись у дома, палили глаза на тропки и дорожки до самого вечера. На другой день — тоже, но уже не до вечера. После обеда, выйдя во двор, они по привычке посмотрели во все стороны: на тропки, намозолившие глаза, на лес, синевший на холме, на деревню — всю в дымках, прямыми столбами поднимавшихся над крышами. Гриша зевнул. Сразу же зевнул и Карпуха. Федька подозрительно скосился на них.

— Раззевались!

— Скучное у них дело — сказал Гриша.

Федька прищурился.

— У кого — у них?

— У чекистов.

— Главное, ничего не знаем, — поддержал Гришу Карпуха. — Целый год прождешь, а никто и не придёт!

Федька так обозлился, что даже отвернулся от ребят. В эту минуту он забыл, что и сам был готов отменить дежурство.

— Эх вы!.. Ну и ладно! Я один! Без вас!

Он зашагал по тропке к лесу, где караулил в первый день.

— А чего мы сказали? Мы ничего! — виновато произнёс Карпуха, догоняя брата. — Надо — так я хоть всю ночь... И Гришка!.. Мы с тобой!

— Нужны вы мне очень! — огрызнулся Федька.

Они дошли до колодца и услышали долетавшую из леса песню. Чей-то хрипловатый пьяный голос выводил под гармошку шальные разухабистые частушки. Между сосен на дорожке зачернели бушлаты.

(Продолжение следует)

Нет друзей вернее...

Нынешним летом в чехословацком городе Брно собралось несколько сот кинологов, прибывших сюда из множества государств нашей планеты. Кто такие кинологи? С кинофильмами они не имеют ничего общего. Кинология — это наука о собаках, а кинологи это — учёные-собаковеды. Вместе с ними на лайнерах и поездах, на автомобилях и на самолётах в город Брно прибыли их именитые четвероногие друзья. Здесь проходила одна из крупнейших в истории международная выставка собак. И не каких-нибудь, а самых лучших представителей множества пород пёстрого собачьего мира. Более полутора тысяч догов, боксёров, разных овчарок, колли, доберман-пинчеров, такс, фокстерьеров, собак многих других пород было доставлено на эту удивительную выставку. Были тут и гиганты сенбернары, вес которых достигал почти ста килограммов, и крохотные комнатные декоративные тойтерьеры, весящие менее одного килограмма и свободно умещающиеся на ладони.

Собака — самый верный друг человека, его неоценимый помощник. Посмотрите, сколько специальностей у собак. Они — охотники и сторожа, пастухи и проводники в труднодоступных местах, телефонисты, прокладывающие линию, доставщики военных донесений, санитары и сапёры-подрывники, миноискатели и истребители грызунов, полярники и проводыры слепых. А собаки-космонавты, а те, которые помогают учёным совершать великие открытия в науке, а четвероногие артисты, которые удивляют нас своим искусством в цирке?!. А храбрые и умные псы, которые несут вахту на границах нашего государства? Всех «должностей» собак и не перечислить!..

К сожалению, в Брно мы с вами не побывали и о собачьей выставке знаем только по рассказам в газетах и журналах. Но недавно один мой юный приятель, Миша Говоров, как-то сказал, загадочно поглядывая на меня:

— Если желаете, я вас свожу на другую интересную выставку собак...

— С удовольствием, но ведь сейчас в Ленинграде такой выставки нет.

— Есть, есть... Подождите, пожалуйста, десять минут... — Он скрылся в подъезде и через десять минут уже сидел около меня на скамейке, держа в руках большой альбом марок.

— Вот она, эта выставка собак, — не без гордости сказал Миша, протягивая альбом.

И он был прав. В строгом порядке на всех страницах находились марки с изображениями собак. Экспонатов в коллекции оказалось немало. Ведь такие марки издавались и продолжают издаваться во многих государствах: Советском Союзе, Польше, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Франции, Испании, Канаде, Ньюфаундленде и даже в маленьком государстве Сан-Марино. Рассказать обо всех этих марках нет никакой возможности, но отдельные экспонаты филателистической собачьей выставки я всё же представляю вам.

СЛУЧАИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

На советской марке изображена не очень большая собака, громко лающая на кого-то, не видимого для нас. Это сибирская лайка. Есть ещё и много других лаек. Все они незаменимые помощники охотников, добывающих ценного пушного зверя — соболя, куницу, колонка, белку. С лайкой охотятся на глухарей, тетеревов. Идут с ними и на медведя.

Но во время войны многим лайкам пришлось переменить специальность. Одни из них стали «медиками», другие «сапёрами», третьи — «связистами»... А когда в мае 1945 года в Москве на Красной площади проходил Парад Победы, вместе с пехотинцами, артиллеристами, танкистами перед Мавзолеем прошли и воины с собаками.

На трибунах среди гостей, приглашённых на парад, находился один бывший полковник. Во время войны он был тяжело ранен. Спасся он чудом. Лежал в болоте, куда, казалось, ни одно живое существо добраться не может. Когда сил уже больше не оставалось и офицер ждал смерти, неожиданно что-то холодное и мокрое ткнулось ему в щёку. Он открыл глаза и сразу же снова закрыл их. «Волки», — мелькнуло в слабеющем сознании.

Но это была собака. Она ещё раз ткнула раненого и улеглась рядом. Тут только раненый заметил на её спине сумку с красным крестом. Офицер отстегнул сумку и нашёл бутылку со спиртом. Сделал несколько глотков и почувствовал себя легче. Захотел погладить собаку, а её и след простыл. Но вскоре он услышал лай и увидел нескольких солдат, с трудом добиравшихся к нему с носилками. Очнулся раненый в госпитале...

Когда подразделение с собаками поравнялось с трибуной, полковник разволновался. Представьте себе: он увидел ту самую лайку, которая спасла ему жизнь! Её мордашку он узнал бы среди тысяч других. Позже полковник разыскал, где остановилась воинская часть с собаками. Он нашёл Думку, благодаря которой были спасены сотни тяжело раненых. Думка продолжала службу в своей части, и лишь поэтому полковник не решил просить отдать ему спасительницу.

Полковнику показали других четвероногих героев этой части. Рассказали даже о целой упряжке: Товарище, Жучке и Моряке. Это была дружная тройка. Она прошла боевой путь от Дона до Праги и вывезла 726 тяжелораненых. А когда из пунктов первой помощи направлялась на передовую, то бежала не порожняком, а нагружённая боеприпасами — патронами и снарядами. 29 тонн боеприпасов доставила эта собачья упряжка на передний край.

«ЭМЕРЕС» МИШКА

Передо мной целая вереница собачьих портретов на марках: пойнтеры, сеттеры, охотничьи ищейки. Всех их называют легавыми... А почему? Давным-давно охотники приучили собак молча обнаруживать дичь и ложиться неподалеку. Охотник, увидев лежащую собаку, понимал: здесь дичь! Он приближался, давал команду, собака вскакивала, спугивала птицу, а охотник бил её налету. Теперь легавые не ложатся, а делают характерную стойку перед обнаруженной дичью. Но название «легавые» так и осталось до наших дней.

Во время войны большинство охотников ушло на фронт сражаться с фашистами. За охотниками пришёл черёд идти и собакам... Благодаря изумительному чутью многих легавых зачислили в «МРС» — минно-

розыскную службу. Хотя мины прикрывались слоем земли, а подчас их зарывали довольно глубоко, собаки-миноискатели быстро обнаруживали их по характерному запаху взрывчатки.

Война уже давно окончилась, а собакам-«эмересам» оставалось ещё очень много работы. Фашисты, уходя, заложили в самых неожиданных местах многие сотни тысяч мин. И когда наконец очистили родную землю от этой адской начинки, многие подразделения МРС расформировали. Воинов демобилизовали, а собак роздали желающим.

В одном из курортных посёлков в Крыму бегал по дворам ирландский сеттер по кличке Мишка. Хозяина у него не было, но люди жалели бездомного пса и подкармливали. Перепадало ему и от приезжих курортников: Мишка был ласковым псом, с немного грустными умными глазами и мягкими обвислыми ушами.

Как-то приехали отдыхать в санаторий двое бывших военных, служивших во время войны в МРС. Они обратили внимание на старый Мишкин ошейник, на небольшой треугольный значок на нём. Приманив пса, приласкав его, они увидели на жестяночке знакомые буквы «МРС» и номер.

Удивлению их не было границ. Они уже знали, что Мишка — бродяга, бездомный... Вероятно, нерадивый хозяин, получивший в своё время собаку из части, бросил её потом на произвол судьбы. Бывшие военные подружились с Мишкой. Раёго утром он уже поджидал их у ворот санатория и провожал до пляжа. На пляж не ходил, знал, что воспрещается. Но однажды друзья пошли купаться на рассвете. И Мишка с ними. Они поманили его, покормили. Повеселевший пес начал резвиться, бегал из конца в конец пляжа и, усталый, улёлся отдыхать.

Завершив купанье, друзья позвали Мишку, а он — ни с места. Сколько ни звали — ни в какую. Подошли к нему, а он виляет хвостом и не встает.

— Тут что-то не то...

И представьте — сеттер Мишка, старый «эмересовец» обнаружил мину! На том самом месте, где улёгся. Её занесло песком, но если бы на это место ступил человек, потяжелее весом — мина бы обязательно сработала.

С той минуты Мишка обрёл нового хозяина. Один из бывших военных забрал его с собой в другой город.

А сколько всего мин обнаружил вислоухий Мишка? К сожалению, мне это не удалось узнать. Но позднее подсчитали, что всего благодаря собакам-«эмересам» обезврежено более четырёх миллионов мин. Подумайте, сколько человеческих жизней спасли наши верные четвероногие друзья! Собака Диана обнаружила 1728 мин. Во время наступления наших войск в одном из захваченных блиндажей поселился командующий одной из армий. На всякий случай послали проверить, нет ли мин, сапёра с овчаркой Неркой. Через несколько минут солдат, обращаясь к командующему, твердо произнёс:

— Товарищ генерал, немедленно оставьте блиндаж.

Командарм чуть было не возмутился таким тоном солдата. Но без слов понял: зря так не скажет. И действительно, Нерка обнаружила мину в потолке блиндажа.

Рекордсменом же по обнаружению мин оказался наш «земляк» Дик. Он родился в Ленинграде. На его счету — 12 тысяч обнаруженных мин.

КРЫСОЛОВ-ЧЕМПИОН

Посмотрите внимательно на эти уморительные собачьи мордочки, изображённые на венгерской марке. Этих небольших бородачей называют фокстерьерами. Они тоже заядлые охотники, но особого рода. Промышляют они главным образом в звериных норах. Фокстерьеры и неуклюжие на вид таксы на самом деле обладают исключительной подвижностью. Они забираются в норы и выгоняют оттуда под выстрел охотника лисиц, барсуков и других животных. К тому же фокстерьеры и таксы — изумительные крысоловы.

Крысы — самый злостный вредитель в народном хозяйстве. Один агроном проделал такой опыт. К амбару, зернохранилищу, подкатили трёхтонка. Амбар законопатили так, чтоб не осталось ни единой свободной щели. Потом от машины в зернохранилище протянули длинный шланг и запустили двигатель. По шлангу отработанный газ потек в амбар. Несколько часов работала трёхтонка. После этого открыли амбар и насчитали три тысячи дохлых крыс.

Три тысячи! Займёмся на пару минут арифметикой. Допустим, что одна крыса сожрёт за год один килограмм зерна (уничтожает она, конечно, больше). Значит в этом амбаре погибнут три тонны зерна! А если подсчитать по всей стране, какой огромный вред приносит эта отвратительная серая нечисть? Вывод ясен: война с крысами — это дело большой государственной важности.

Огромную помощь в ней могут оказать фокстерьеры и таксы. Это ничего, что фокстерьер мал ростом! Пусть вас не смущают раскоряченные лапки у коротышки-таксы! Она подвижна как ртуть, а её продолговатая пасть обладает силой стальных клещей.

Писатель и собаковед Борис Степанович Рябинин, книги которого я внимательно перечитал и откуда я почерпнул много интересных случаев из жизни собак, рассказал об одном замечательном фокстерьере Смокки.

Был он белой масти, только голова и хвост — пепельно-серые. Поэтому и кличка у него была Смокки, что означает — «пепельный». До того как его привели на квартиру, где он обрёл нового хозяина, дом был наводнён крысами. С появлением Смокки крысиному царству пришёл конец. Он их истреблял десятками. Прокусив затылок, он с равно-

душным видом подбрасывал убитую крысу кверху и приступал к очередной. В конце концов крысы покинули дом, где поселился страшный Смокки.

О подвигах фокстерьера узнал председатель одного близлежащего колхоза, где крысы буйствовали вовсю. Храбрый вояка Смокки и здесь продемонстрировал свои чемпионские способности. Сотни убитых им крыс были его трофеями.

Но этого мало. На птицеферму колхоза повадился какой-то хищник. Ночью на птицеферму поместили и бдительного караульного — Смокки. Наутро он исчез. Двое суток прошло, а фокстерьер как в воду канул. Послали за хозяином, и председатель с виноватым видом рассказал ему о пропаже собаки. Начали присматриваться к следам. Хотя и с трудом различили их, но всё же они привели к месту, где обнаружили свежеразрыллённую землю.

— Смокки, Смокки! — окликнул хозяин.

Из-под земли донеслось урчание, и вскоре из норы показалась грязная, запачканная, смешная мордочка этого отчаянного храбреца. Разрыли нору и обнаружили задушенных лису и четырёх лисят. Но, видимо, кто-то всё же ушёл из норы, и Смокки продолжал караулить.

ПОД СТРАХОМ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Вот ещё одна охотничья собака — русская борзая. Её портрет вы можете увидеть на марках СССР и республики Сан-Марино. Вглядитесь внимательно в строение этой красивой собаки: ноги длинные, тонкие, спина серповидно изогнутая, длинная, узкая морда кажется заострённой... Словом, не собака, а стрела. И впрямь — нет собаки быстрее. Ни волк, ни заяц, ни другое быстроногое животное не уйдут от борзой, всех она настигнет.

В былые времена у нас в стране насчитывалось много свор, состоявших из борзых. Они участвовали в конной охоте. Пешему охотнику никак было не поспеть за мчавшимися, словно ветер, псами. Недаром по-немецки русскую борзую называют «Виндхунд», что означает «собака-ветер».

Порода эта выведена у нас давно, и ею гордились охотники нашей страны. Царь Пётр I был большим любителем собак и страстным охотником. У него была собака, которую он особенно любил. Она сопровождала его во всех походах и боях, не боялась ни пуль, ни ядер. Пётр посылал с нею приказы военачальникам, а обратно она приносила боевые донесения.

За рубежом очень многие князья и принцы зарились на русскую борзую, мечтая обзавестись этим удивительным псом. Но Пётр строго запретил продавать борзых за границу. В специальном указе говорилось, что нарушившему запрет милости никакой не ждать, а подвергнуть смертной казни, повесив его или отрубив голову.

В наше время осталось мало борзых. И это понятно: нет у нас теперь конной охоты. Но всё же собаководы принимают все меры к тому, чтобы сохранить эту удивительную породу и увеличить её поголовье.

Кроме русской на марках изображены также английская и афганская борзые. Но они не чета нашей замечательной собаке-стреле, собаке-ветру.

К охотничьим собакам, преследующим обнаруженного зверя или дичь, относится также наша русская гончая. Три года назад советская почта выпустила серию из десяти марок, посвященную собакам. На первой марке, открывающей серию, и изображена русская гончая. Посмотрите, как она, набрав скорость, мчится по следу зверя. В отличие от легавых, гончая на бегу непрерывно громко лает. Охотник слышит лай, подкарауливает зверя и стреляет в него.

Польская почта изобразила ещё одну охотничью собаку — кокер-спаниеля. Из всех четвероногих охотников у спаниеля самые длинные уши — чуть ли не до самой земли. У него удивительный нюх. Кокер-спаниель не только спугивает обнаруженную дичь, но после выстрела быстро находит и приносит её хозяину.

СОБАЧЬИ БОГАТЫРИ

Взгляните на эту крупную звериную голову, изображённую на советской марке. Собака ли это? Читаем надпись: кавказская овчарка. Да, собака. Да ещё какая! Самая сильная во всём пёстром собачьем мире. Вес её доходит до 80 килограммов. С лёту собьёт любого самого здорового и крепкого человека. Её специальность — охрана стада от хищников и помощь чабану в управлении отарой во время внезапной сильной бури, метели, ливня... Самый частый хищник, который любит полакомиться овцой, — это волк. Кавказская овчарка в силах справиться с двумя серыми. В жестокой звериной схватке волки пытаются убить свою жертву, схватив зубами за шею. Но пастухи, зная это, надевают на кавказских овчарок железные ошейники с острыми шипами. Ну-ка подступись теперь серый разбойник!

Кавказская овчарка до конца предана своему хозяину. Вот какой интересный случай произошёл на Чёрных Землях. На много сотен километров раскинулись они между Каспийским и Азовским морями. Даже в осеннюю и зимнюю пору здесь сохраняется трава, и пастухи гонят сюда огромные стада овец.

Одну такую отару пас известный чабан Амуртай Султаналиев. Помогали ему подпасок Темиркул и три кавказские овчарки: Арслан, Заур и Босар. Могучий и грозный Арслан был вожаком.

Однажды завертела, засвистела снежная буря. Ветер свирепство-

вал — трудно было устоять даже человеку. И овцы побежали, гонимые ветром. Надо бы загнать отару в ближайшую кошару, чтобы переждать бурю, но кошара находилась в противоположной стороне. Самое страшное — из-за густо валившего снега исчезла видимость.

Амуртай бежал вместе с овцами, по бляению чувствовал, что они рядом. Время от времени слышал лай овчарок. А буря не утихала. Прошли сутки. Пурга бушевала с прежней силой. Старый чабан продолжал бежать с отарой. Прошли и вторые страшные сутки. Ноги отказывались идти, но Амуртай не покидал отары... Только на третье утро улеглась злобная буря. Вконец обессиленный чабан оглянулся и ужаснулся... Вся степь была затянута белой пеленой. От отары осталось меньше половины. Остальные овцы исчезли. Пропали и овчарки. Лежавшего полузамерзшего чабана нашли верховые гонцы... Принялись за поиски пропавших овец. Выяснилось, что часть стада сумел всё же загнать в ближайшую кошару подпасок Темиркул. Остальных и след простыл. Сколько ни искали — без толку.

Месяца два с половиной спустя через Чёрные Земли ехала машина. И вдруг в низине, на дне одной из балок, люди увидели большую отару овец. Решили узнать, кто пасёт. Но когда машина начала приближаться к овцам, три разъярённые собаки преградили путь. Они остервенело лаяли и заставили шофёра остановиться. Думали, на лай объявится чабан. Но никто не появился.

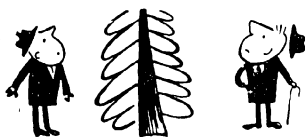
— Может быть, это пропавшая отара Амуртая?

Машина помчалась в посёлок, где жил чабан. Старый пастух разволновался и сразу же поехал к балке. Опять три овчарки лютым лаем встретили незнакомцев. Но вдруг услышали оклик Амуртая. И три огромные собаки мигом стали похожи на малых щенков. Хозяин явился!.. Трогательной была эта встреча. Овчарки ластились к чабану, лизали руки, трелись спинами о его ноги.

Амуртай взглянул на отару. Поредела? Нет... Вроде бы даже больше овец стало. Так оно и оказалось. Два с половиной месяца без человека три овчарки оберегали отару, насчитывавшую четыреста овец. Многие овцы принесли ягнят. И этих уберегли Арслан и его товарищи. Стадо выросло до пятисот голов. Сами собаки жили впроголодь — питались мышами, сусликами, но ни одной овцы не зарезали. А обычно время от времени Амуртай подкармливал их бараниной. Но то они получали её от хозяина. Сами же в течение 80 дней не тронули ни одного барашка.

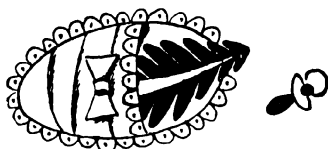
Э. МИРОНОВ

(Окончание следует)

САМОЕ высокое дерево в мире высотой 112 метров находится в штате Калифорния (США). Это так называемая гигантская секвойя.

САМЫЙ глубокопроникающий в грунт корень дерева был отмечен у акации, растущей в Юго-Западной Африке. Корень акации ушёл на глубину 68 метров.

САМОЕ длинное «детство» из деревьев имеет пихта. Это дерево впервые цветёт и даёт семена в возрасте 50—70 лет.

САМАЯ короткая жизнь в мире растений у некоторых из бактерий, длительность существования которых составляет всего 15—60 минут.

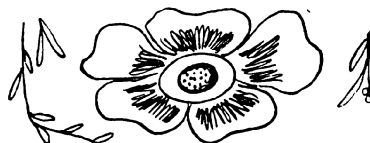
САМЫМ тяжёлым деревом является так называемое «змеиное дерево», или пиратинера. Удельный вес его составляет 1,5 грамма на кубический сантиметр. Кусок этого дерева тонет в воде, как камень.

САМОЙ большой продолжительностью жизни в растительном мире отличается австрийская макрозалия, возраст которой достигает 12—15 тысяч лет.

Рисунки А. Курушина

САМУЮ большую территорию на земле среди древесных пород занимает лиственница. Ее массивы охватывают более трети всей залесенной площади в мире.

САМЫМ полезным растением в мире считают бамбук. Он даёт пищу, жилище, орудия труда, мебель, корзины, трубопроводы, бумагу, верёвки, украшения, оружие и многое другое.

САМЫМ большим по величине цветком, диаметр которого достигает 1 метра, является цветок раффлезии, растущей в тропических лесах Индонезии и Филиппинских островов.

САМЫМ лёгким деревом является бальза. Оно в девять раз легче воды.

САМЫЙ крупный на свете гриб был найден в США. Высота гриба составляла полтора метра, а диаметр шляпки — один метр тридцать сантиметров. Шляпка сидела на ножке толщиной в четверть метра.

САМЫЙ северный в мире ботанический сад находится в СССР, на Кольском полуострове, в 7 километрах от города Кировска. В открытом грунте и теплицах ботанического сада произрастает более 24 тысяч растений из различных районов Советского Союза и других стран.

САМОЙ лесистой страной в мире является Финляндия. Леса занимают 72 процента её территории.

«Зарница» идет в наступление

(К фотографиям на 2-й и 3-й страницах обложки)

ПОВИСЛА над лесом тишина. Светлая, солнечная. И в то же время какая-то насторожённая. Замерли, притаились на исходных позициях юнармейцы. Ждут, терпеливо ждут (снимок 9). И словно вдруг молния тишину полоснула — вспыхнула в небе сигнальная ракета.

— Вперёд! В атаку! За мной! — взмахнул комиссар пистолетом (снимок 1).

Поднялись, пошли в наступление бойцы.

— Ур-а-а-а! — прокатилось над лесом.

Повёл комиссар на штурм свой отряд. Правда, пистолет у него деревянный, так же, как автоматы участников Ленинградского финала военно-спортивной игры «Зарница». Зато в остальном — всё как в настоящем бою. Под оглушительную пальбу мчатся танки, бронетранспортеры. Над головами кружатся вертолёты: «противник» вот-вот высадит десант. То под «артобстрел» попадают ребята, то начинается «химическая» контратака!..

Более тысячи лучших юнармейцев города и области проходили в том «сражении» боевое крещение, показывали, чему они научились у своих шефов-воинов. И принимали экзамен у ребят (шутка ли!) сами ветераны войны — те, кто двадцать с лишним лет назад шли здесь не в учебный, а в настоящий бой. Бой не на жизнь, а на смерть. Здесь, на этом поле, проходила линия обороны знаменитого Ораниенбаумского плацдарма. Наждая пядь этой священной земли обгажена кровью.

Недаром перед игрой собрались юнармейцы на торжественный митинг около монумента защитникам нашего города. Здесь взволнованно прозвучали слова их клятвы. Отсюда и двинулись на исходные позиции (снимок 5).

Шли, чётко чеканя шаг (снимок 2). Смотр-парад юнармейцев принимал начальник ленинградского областного штаба «Зарницы» Герой Советского Союза генерал-майор Владимир Аркадьевич Родионов.

И ещё одно испытание должны были пройти ребята перед «боем» — полосу препятствий! Ну-ка, покажите себя, ловкие, сильные, быстрые! Нужно ведь не только постараться, как можно дальше метнуть гранату (снимок 4), умело проползти через «мышеловку» (снимок 3) и не упасть со скользкого бревна (снимок 6), — всё надо придумать быстро, мгновенно.

Победа даётся нелегко. Тут одной смелости мало. Без взаимодействия, без взаимной выручки никогда не победишь. Правильно говорят в народе: «Один в поле не воин». Знаменосец водружает знамя на высоту (снимок 7). Смог бы он сделать это один, без поддержки своего отряда? Конечно же, нет! И, наверное, в одиночку так бы лихо не шли в наступление девчонки 94-й ленинградской школы (снимок 8).

Ное-кто из бравых мальчишек отнёсся к ним поначалу скептически: «И зачем только на игру взяли?!» Хотя и знали мальчишки, что девчонки — отличные сани тарки (снимок 15) и связистки тоже неплохие (снимок 10), но зато их приходится перетаскивать на себе во время переправы (снимок 12).

Хотели мальчишки 522-й школы с ходу взять высоту, — не тут-то было! Поот- стали девчонки в болоте. Не оставлять же их одних! Пришлось отряду «химическую атаку» в топком болоте пережить. Вылезли грязные, мокрые. И надо же такому случиться: откуда ни возьмись — танк «противника». Развернулся, преграждая путь к высоте. Тут даже сам командир Саша Рева растерялся. Счастье — девчонки на выручку пошли, стали отвлекать танк, принимая огонь на себя. А мальчишки тем временем незаметно проскочили к высоте. В числе первых водрузили победное своё знамя.

Возможно бы и самыми первыми стали, если бы догадались боевую операцию заранее разработать, как это сделали юнармейцы Шумиловской школы Приозерского района. Собрал перед «боем» свой отряд замполит Саша Чеботарёв (снимок 11). Нанесли ребята ориентиры на карту, взвесили боевую обстановку и до сигнала атаки послали в разведку связиста — Володю Тулина. Тот и радировал им из «секрета»: «Местность болотистая, держаться лучше левой стороны: там кусты, легче будет выбраться из топи».

И преграды не были для шумиловцев неожиданными. Быстро пробежали там, где иные в растерянности топтались на месте. И стали победителями Ленинградского финала, получив путёвку в Нарву для участия во Всесоюзной заключительной игре «Зарница».

Отстремели последние залпы. Снова воцарилась в лесу тишина. Но ребятам долго ещё не прийти в себя. По-прежнему стоит перед их глазами минувшее сражение (снимки 13 и 16).

После жаркого боя устроились бойцы на берегу пруда в тени деревьев. Теперь можно и впечатлениями поделиться, и песни под гитару спеть (снимок 17). Да к тому же молодцы-бойцы изрядно проголодались. Аппетиту юнармейцев позавидовать можно было. Походный лозунг «Съел сам — помоги товарищу» временно был снят с повестки дня: отстающих на этот раз не было. Повара походной кухни только поспевали накладывать в оловянные миски огромные порции полковой каши (снимок 14). И на девчонок ребята смотрели теперь уже как на равных. Ведь отличились девчонки в бою не в меньшей степени. Даже заслужили похвалу командующего Всесоюзной «Зарницы» генерал-майора Г. С. Десницкого (снимок 18).

Начинается новый учебный год. Вновь дружинные батальоны сколачивают свои ряды. Становись и ты в строй, осваивай боевые профессии юнармейцев! Смело иди по дорогам отцов. Будут тебя ждать увлекательные походы, не менее интересные «бои».

В. ШУМИЛИН

Фото Н. Карасёва и Г. Сафонова

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...далеко не все наши предки носили бороды? Археологи Чечено-Ингушской автономной республики при раскопках нашли бронзовую бритву, изготовление которой датируется периодом между десятым и седьмым веками до нашей эры. Руководитель экспедиции определяет «возраст» бритвы в 2800 лет.

★

... однажды во Франции возле деревни Отбю охотник подстрелил зайца, подошёл к нему и, приложив на землю ружьё, попытался взять косого за уши! Неожиданно заяц рванулся и зацепил лапой курок. Прогремел выстрел. Заряд дробин угодил охотнику в ногу.

★

...у жителей Гавайских островов бывают весьма пышные имена? Владелец отеля в Гонолулу, однако, побил все рекорды. Своей дочери он дал имя, кото-

рое в переводе означает: «Множество прекрасных цветов, распускающихся в горах и долинах Гавайских островов, наполняют воздух своим ароматом».

★

...мировыми рекордсменами по чаепитию являются... англичане? На каждого из них приходится в год по 4,5 килограмма чая. Чаеплюбы нашей страны далеко от них отстали. У нас этот показатель не превышает 350 граммов.

★

...без единого гвоздя построен четырёхпролётный 70-метровый деревянный мост через реку Курлак в Аннинском районе Воронежской области? Мостостроители собрали его по проекту московских специалистов, склеив мост из готовых деталей синтетическим клеем.

★

...в городе Нанте (Франция), где прошли детство и юность знаменитого писателя Жюль Верна, решено открыть музей, посвящённый его жизни и творчеству? Интересно, что одиннадцатилетним мальчишкой Жюль втайне от родителей нанялся юнгой на шхуну «Корали» и чуть было не уехал в Индию. Его вернули с борта корабля. Такая у него была тяга к далёким путешествиям, таинственным землям, открытиям.

НА ПАРУСАХ ЧЕРЕЗ... САХАРУ!

Организатор этого удивительного рейса — на паруснике по суше — француз Жан дю Буше знает Сахару досконально. Сахара знаменитая «страна ветров». Они расчерчивают её вдоль и поперёк. Прекрасный природный двигатель.

Своё первое «плавание» по пустыне дю Буше совершил в 1960 году. Он прошёл от Форта-Тринке до мавританского города Айн-Бен-Тили на яхте новой модели. Корабль, названный «ББ», весил 170 килограммов, сделан с устойчивой треугольной рамой на деревянных полозьях.

Позднее был предпринят групповой поход. Всего было двенадцать «кораблей пустыни». Целая флотилия. Экипажи со-

ставили спортсмены из шести стран Европы. Они собрались в алжирском городе Колон-Бешар, чтобы отправиться в путешествие до мавританской столицы Нуакшот. С севера на юго-запад предстояло пройти 2600 километров по пескам пустыни. На самом деле, маневрируя и улавливая ветер в свои паруса, корабли покрыли почти вдвое большее расстояние.

Пробег показал, на что способны сухопутные яхты. По шоссе парусники показали скорость 90 километров в час, по плотному грунту — 70 километров. По окончании пробега дю Буше присудили символическую золотую медаль, как первому навигатору Сахары.

ДУЭЛЬ ПО-САКАЙСКИ

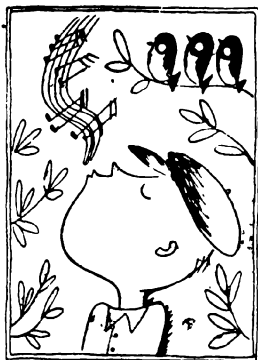
Оружием на дуэли обычно служили шпаги или пистолеты. В племенах сакаев, живущем на полуострове Малакка, предпочитают сражаться на... павлиньих перьях.

По знаку секунданта дуэлянты входят в центр круга и начинают щекотать друг друга перьями. Редкий выдерживает более четверти часа. Кто первым засмеётся, тот и считается побеждённым.

СОПЕРНИК

СОЛОВЬЁВ

У знаменитых курских соловьёв появился соперник — четырнадцатилетний Володя Неведров из курской деревни Кузькино. Володя мастерски имитирует пение птиц. Особенно удаются ему соловьиные трели. Главные его учителя — сами пернатые.

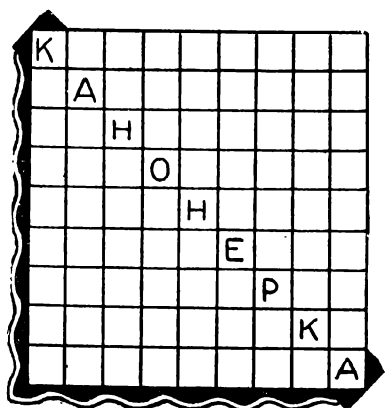

Деревня, где живёт мальчик, расположена на высокой лесистой горе, и соловьи здесь особенно голосистые. Мальчишка часами простаивает в лесу, слушая своих пернатых «учителей».

Своё искусство Володя уже показывал на смотрах художественной самодельности в Москве, Воронеже, Курске и на Украине.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Составил Л. ГЕЛЬФАНД

Впишите в горизонтали девять слов, определения которых даны ниже, сохранив соответственно буквы слова «канонерка».

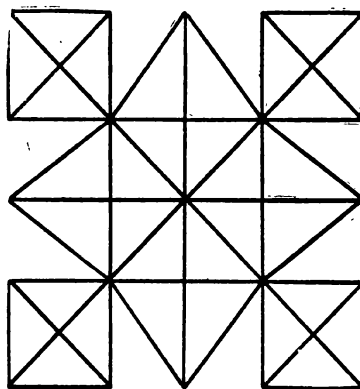
1. Род войск. 2. Русский генерал, герой Бородинского сражения. 3. Сообщение, доставляемое командиру связистом. 4. Ручное огнестрельное оружие. 5. Класс боевых кораблей, приспособленных для базирования авиации. 6. Военное искусство. 7. Специально оборудованное место для подготовки и запуска искусственных спутников и космических кораблей. 8. Русский матрос, участник восстания на броненосце «Потёмкин». 9. Подводная лодка.

Отдел ведёт В. Акентьев

ЗАДАЧА

Составила Валя ВОРОБЬЕВА.

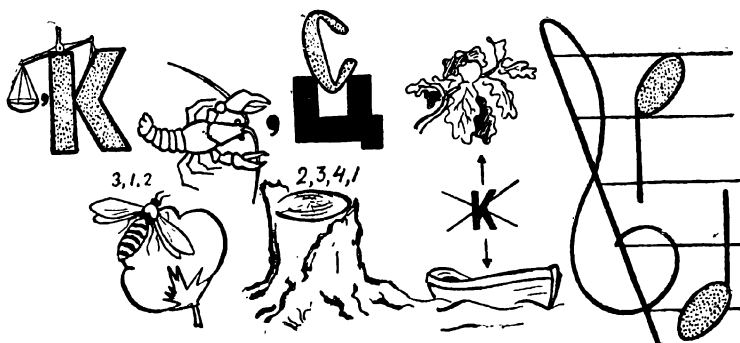

Эта фигура сложена из тридцати двух треугольничков.

Но здесь есть, кроме того, и составные треугольники, верно? Подсчитайте, сколько здесь всяких треугольников — и простых, и составных вместе.

РЕБУС

Составил Саша УТЕВ

В этом ребусе зашифрована народная пословица. Сумеете вы её прочесть?

ХИТРЫЙ РЕБУС

Составил Миша НИКИТИН

Здесь зашифровано всего только одно слово, но прочесть его не так-то просто!..

Проверь себя

(СМОТРИ «ИСКОРНУ» № 6)

ПОИЩИТЕ НА КАРТЕ

Владивосток, Находка, Москальво, Нагаево, Магадан, Камчатка, Бошняково.

ЗАДАЧА БУКВ

Комод, рампа, аврал, шесть, Елчин, Навои, Индий (здесь в задаче опечатка: в седьмом слове нужно читать: -НДИ-), Носов, «Ниссо», ирбис, капот, озеро, вотяк. Из первых букв — «Крашенинников», из последних — «Дальний Восток».

«ЛИШНЕЕ» СЛОВО...

В списке — имена путешественников, исследователей Дальнего Востока, и только Василий Васильевич Юнкер (1840—1892) — исследователь Африки.

НА ЛИСТКЕ КАЛЬКИ

На карте — очертания Камчатки, береговой линии залива Шелихова.

ПО ТРИ БУКВЫ

Комсомольск-на-Амуре

Содержание

Первое сентября. Стихотворение В. Николаева	1
Единая трудовая. Семья КС. Очерки А. Мойжес.	2
Как росли ноги Илгизара. Рассказ Вахита Манасыпова	15
Сентябрь развесит листья грусть... Стихотворение Сергея Скаченкова	15
Майское солнце. Рассказ А. Крестинского	16
В лесу. Стихотворение Е. Русакова	20
Деревья. Ветер. Язык огней. Что он нёс? Стихи Льва Мочалова	21
Случилось всё так... Рассказ Н. Ходзы	24
Сабли и рыба. Рассказ О. Панку-Яша	28
Арифметика богача. Стихотворение А. Шибаева	30
Церуси. Рассказ Юрия Ракова	31
Я вернулся из лагеря. В саду. Стихи В. Фетисова	34
Подснежники. Продолжение повести А. Власова и А. Млодика	35
Нет друзей вернее... Очерк Э. Миронова	52
Самое-самое-самое...	59
Пёстрые заметки	62
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «Сентябрь».

На 2-й и 3-й страницах обложки фоторепортаж Г. Сафонова и Н. Карасёва с военной игры «Зарница».

На 4-й странице обложки загадочные картинки художника Г. Моисеевой.

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59. комн. 115

Сдано в набор 22/VII 1968 г. Подписано к печати 12/IX 1968 г. 4 печ. л. М-24239 Заказ № 1142. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 69000 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

★ЗАРНИЦА

10

11

12

13

14

15

16

17

18

Прочти
пословицу:

Далеко
справ
е, а
в

е а в д л ч х к о

